

22.152 к

ВО ИМЯ РОДИНЫ

СБОРНИК
СТИХОВ, ПЕСЕН, ПЬЕС

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1943

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Воскр. тип. Т. 1 млн. 3. 384—75

Д. Селюкович

ВО ИМЯ РОДИНЫ

СБОРНИК
СТИХОВ, ПЕСЕН, ПЬЕС
ДЛЯ КОЛХОЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1943

кр 22.152

Сборник составили
Е. И. ГАГАЛИК, Е. Н. ЛУНИНА

Редактор М. Д. ШОШИН.

-- 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Художественная самодеятельность в дни Великой Отечественной войны является важным средством массовой агитации, средством художественного воспитания и мобилизации творческих сил трудящихся на выполнение стоящих перед ними задач.

Художественная самодеятельность может оказать огромную помощь рабочим и колхозникам в борьбе за выполнение производственных планов, фронтовых обязательств, в развитии социалистического соревнования.

В ближайшее время состоится Всесоюзный смотр художественной самодеятельности. Он имеет своей целью прежде всего помочь вовлечению в художественную самодеятельность новых участников и будет способствовать расширению контингента культурных сил как в городе, так и в деревне.

В г. Иванове проведение смотра намечено на 1—15 ноября 1943 г.

В смотре примут участие кружки: драматические, музы-

кальные, хоровые, струнные и шумовые оркестры, агит-
бригады, танцоры и плясуны, чтецы и сказители.

Настоящий сборник в некоторой мере поможет избам-
читальням, домам культуры, колхозным и совхозным клубам
подобрать репертуар для выступлений.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЧТЕНИЕ

К. СИМОНОВ

УБЕЙ ЕГО!

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;
Если милы тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжанием пчел,
И под липой, сто лет назад,
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме немец топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал;
Если мать тебе дорога,
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уж нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтобы немец, ее застав,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав,
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,

Немцу мыли его белье
И стелили ему постель;
Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в Карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу,
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Немец взял и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал;
Если жаль тебе, чтоб старик,
Старый школьный учитель твой,
Перед школой в петле поник
Гордой старческой головой,
Чтоб за все, что он воспитал
И в друзьях твоих и в тебе,
Немец руки ему сломал
И повесил бы на столбе;
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, так ее любил,
Чтобы немцы ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем
Обнаженную на полу,
Чтоб досталось трем этим псам,
В столах, в ненависти, в крови,
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви;
Если ты не хочешь отдать
Немцу, с черным его ружьем,
Дом, где жил ты, жену и мать,

Все, что Родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви —
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей Родиной не зови.
Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят,
Если немца убил твой брат, —
Это он, а не ты, солдат.
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты, на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его — по мертвом стоял.
Так хотел он, его вина —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не ~~твоя~~ жена,
А его — пусть будет вдовой.
Пусть заплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

КРОВЬ ДЕТЕЙ

Где мне найти слова,
Как вынести мне муку,
Какою мстью отомстить врагу?
Как мне забыть ту худенькую руку,
В лесах Можайских стывшую в снегу?
Спи, девочка. Две маленькие ранки.
Пробита грудь. Где твой отец, где мать?
Идут вперед, на запад, наши танки,
Слезу танкист не может удержать.
Кто ты, ребенок? Чьей надеждой светлой
Была ты, девочка, убитая врагом?
Шумят снега, встревоженные ветром,
Угрюмые леса раскинулись кругом.
Родная сторона, ты плачешь о ребенке,
Грустят леса в седых снегах, в ночи
О взгляде светлом и о смехе звонком,
О песне, что уже не зазвучит.
Мы школы строили, вокруг сады садили,
Мы для детей громады возводили.
Весь мир спрошу — и кто ответит мне?
Где и когда вот так детей любили,
Как любят их в советской стороне?
Мы города растили на Востоке,
Врубались в глушь, в тайгу, в лесную темь.
И первый свет, и новый дом высокий,
И первые цветы — все было для детей.
Спи, девочка родная, к изголовью
Тебе метель сугробы намела.
Кто скажет мне: Надеждой иль Любовью
Иль просто Машенькою мать тебя звала?
Спи, девочка.
Танкист вперед стремится,

Он смерть не сможет позабыть твою;
И трепещите же, детоубийцы,
Когда его вы встретите в бою.
Вы смерть свою в его прочтете взоре,
Безмерен гнев его, и вам спасенья нет:
За смерть детей, за муку и за горе,
За все, за все враги дадут ответ!
Мой сын и дочь моя, вы в городе далеком.
Весенние ветра в том городе звенят.
Так пусть до ваших мирных, светлых окон
Мои слова сегодня долетят.
Вы протяните маленькие руки
Ко мне, сюда, сквозь горы и леса,
Пусть грусть моя, печаль моей разлуки
Бдали услышит ваши голоса.
Да! Гнев и месть сверкают в нашем взоре,
Они страшней свинца, грознее лютых гроз,
О, как мы ненавидим тех, кто горе,
Огонь и смерть в наш мирный край принес.
Нет, не забыть мне худенькую руку,
Седой сугроб и лес по сторонам:
За каждую слезу, за каждую разлуку,
За кровь детей враги ответят нам.
Над пеплом городов, над черным горем пашен
Греми, орудий огненная речь,
Чтобы приблизить день победы нашей,
День смеха детского,
День радости, день встреч!

КАЖДЫЙ НЫНЧЕ — НАРОДНЫЙ БОЕЦ

Напряженно трудясь день и ночь,
Проверяют себя патриоты:
— Чем сумели мы фронту помочь —
Славной армии нашей и флоту?
В нашей грозной священной войне
Нет различья меж фронтом и тылом.
То, что делал ты, — делай вдвойне
С неустанным стараньем и пылом.
Сталевар, тракторист, продавец,
Врач и техник, швея и ученый —
Каждый нынче — народный боец
Общей армии многомиллионной.
Все мы, каждый на месте своем,
Побеждать помогаем героям,
Все мы сводку победы куем,
Все могилу для недругов роим.
Как боец, не жалеючи сил,
Будь всегда начеку и на месте,
Чтобы труд твой воистину был
Делом доблести, славы и чести.
Каждый день, каждый час, каждый миг
Ты цени, не теряй его даром.
Пусть твой труд помогает, как штык,
Боевым смертоносным ударом.

СЕСТРА

Облик девушки славной,
Мягкий очерк лица,
Красный крест нарукавный,
Гимнастерка бойца.
Весь народ грозовая
Породнила пора.
Всем бойцам ты — родная,
Всем бойцам ты — сестра.
Все душевные силы,
Все порывы свои
Горячо ты вложила
В подвиг братской любви.
Сердце лаской богато,
Много в нем теплоты.
К ранам воина-брата
Тихо склонилась ты.
На великое дело,
На защиту страны
Поднимаются смело
И отцы и сыны.
Подвиг свой совершая,
В их рядах ты идешь.
Вместе с ними, родная,
Ты победу куешь.

КАПИТАН ГАСТЕЛЛО

Бессмертен тот, кто, жертвуя собой,
Отчизну-мать отстаивает смело.
Он соколом летел на смертный бой,
Советский летчик, капитан Гастелло.
Внизу машины вражеские шли,
Снаряды рвались возле самолета.
Фашистские зенитчики с земли
Обстреливали русского pilota.

Подбитой птицей дрогнул самолет,
Насквозь пробитый вражеским снарядом.
Кругом огонь бушует и ревет,
И смерть в лицо глядит зловещим взглядом.
Пилот, ты мог бы выброситься вон,
Но ненависть к врагам в тебе кипела.
Нет, не хотел врагам сдаваться он,
Советский летчик, капитан Гастелло.

— Да, лучше смерть, чем плен! —

И капитан

Свой самолет, объятый вихрем жгучим,
Направил твердо на фашистский стан,
На тесные ряды цистерн с горючим.
И все, что было в этот час под ним,
В огне на воздух высоко взлетело.
Мы навсегда любовно сохраним
Большое имя: Николай Гастелло.

«КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ...»

1

Лесом, полями, дорогой прямой
 Парень идет на побывку домой.
 Ранили парня, да что за беда!
 Сердце играет, а кровь молода.
 — К свадьбе залечится рана твоя, —
 С шуткой его провожали друзья.
 Песню поет он, довольный судьбой:
 «Крутится, вертится шар голубой.
 Крутится, вертится, хочет упасть...»
 Ранили парня, да что за напасть! —
 Скоро он будет в отцовском дому,
 Выйдут родные навстречу ему.
 Станет его поджидать у ворот
 Та, о которой он песню поет.
 К сердцу ее он прильнет головой.
 «Крутится, вертится шар голубой...»

2

Парень подходит. Нигде — никого.
 Горькое-горе встречает его:
 Черные трубы над снегом торчат,
 Черные птицы над ними кричат.
 Горькое-горе, жестокий удел!
 Только скворечник один уцелел.
 Только висит над колодцем бадья.
 — Где ж ты, родная деревня моя?
 Где ж эта улица, где ж этот дом,
 Где ж эта девушка — вся в голубом?
 Вышла откуда-то старая мать:
 — Где же, сыночек, тебя принимать?

Чем же тебя накормить, напоить?
Где же постель для тебя постелить?
Все поразграбили, хату сожгли.
Настю-невесту с собой увели...

3

В дымной землянке погас огонек,
Парень в потемках на сено прилег.
Зимняя ночь холодна и длинна, —
Надо бы спать, да теперь не до сна.
Дума за думой идет чередой:
«Рано, как видно, пришел я домой.
Нет мне покоя в родной стороне,
Сердце мое полыхает в огне,
Жжет мою душу великая боль.
Ты не держи меня здесь, не неволь:
Эту смертельную муку врагу
Я ни забыть, ни простить не могу...»
Из темноты отзывается мать:
— Разве же стану тебя я держать?
Вижу я, чую, что сердце болит, —
Делай, как знаешь, как совесть велит.

4

Поле да небо. Безоблачный день.
Крепко у парня затянут ремень.
Ловко прилажен походный мешок,
Свежий хрустит под ногами снежок,
Вьется и тает махорочный дым, —
Парень уходит к друзьям боевым.
Парень уходит — судьба решена.
Дума одна и дорога одна.
Глянет назад — в серебристой пыли
Только скворешня маячит вдали.
Выйдет на взгорок, посмотрит опять —
Только уже ничего не видать.

Дальше и дальше родные края...
— Настенька, Настенька — песня моя!
Встретимся ль, нет ли мы снова с тобой?..
«Крутится, вертится шар голубой...»

А. БЛАГОВ

КОЛЬЦА ЗОЛОТЫЕ

Помню пору молодую,
Что вдали осталась.
С пареньком одним пригожим
Я тогда спозналась.
Были встречи, были речи,
Что ни день теплее,
Не шутил пригожий парень
И называл своею.
Под венец, как было нужно,
Встали молодые,
Обручались — надевали
Кольца золотые.

Дни за днями проходили,
Год спешил за годом...
— А нехватит ли банкирам
Помыкать народом... —
Так сказал Владимир Ленин,
И проснулась сила.
Прощалась я с любимым,
В битву проводила.
Не вернулся он — сразили
Недруги лихие.
Сохранила я на память
Кольца золотые.

Много славы, много счастья
Мы в борьбе достали.
Освещает нам дорогу
Наше солнце — Сталин.
Пусть не думают фашисты
Властвовать над нами, —
Мы сильны одною волей,
Мы крепки штыками.
Чтоб врага скорей добили
Соколы родные, —
Отдаю на оборону
Кольца золотые!

А. БЛАГ

ДОБРЫЙ ПУТЬ

Снова город фабричный
Шумит, как прибой,
О широкую грудь берегов.
Батальоны ткачей
Собираются в бой
На заклятых народных врагов.

Ощетинясь штыками,
Проходят бойцы,
С ними песня — подруга побед.
Наряду с молодыми
Шагают отцы —
Ветераны прославленных лет.

Их дела не забыты,
Их слава живет
На просторах советской страны,

Их растил величавый
Семнадцатый год
Под грозою гражданской войны.

Их в походы водил
Сам Чапаев-герой,
С ними Фрунзе громил Колчака;
И сейчас перед черной
Фашистской ордой
Не изменит винтовке рука.

Добрый путь вам, ивановцы!
Бейте врага!
Отомстите за жен и детей,
За колхозные села,
За наши луга,
За красу городов и полей!

Отомстите за все,
Что злодей загубил,
Сторожите на каждом шагу.
Чтобы, кроме земли
Для презренных могил,
Ничего не досталось врагу!

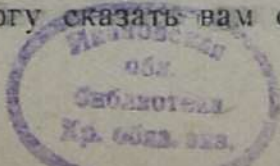
ЕЛЕНА КОНОНЕНКО

ЖЕНА

Старик-хирург закончил осмотр раненых, присел на табурет у постели Давыдова и сказал ему, довольно пощипывая седую бородку:

— Поздравляю вас, милый мой. Завтра мы вас выпишем? Невероятно, но это так. Поздравьте и меня, юноша. Теперь дело прошлое, и я могу сказать вам откровенно: я

кр 22.152

не надеялся на благополучный исход дела. Ведь на вас живого места не было. Одиннадцать операций, мой дорогой. Дикая орда! Они хотели, чтобы вас не было, но вы живы!

Лицо профессора светилось радостью.

— Спасибо, доктор, — горько улыбнулся Давыдов, — большое вам спасибо за все... Но...

Он замолчал. Из его груди вырвался какой-то странный звук.

— Что значит это «но», молодой человек? — изумленно спросил хирург. И вдруг увидел, что Давыдов закрыл газетой глаза, полные слез. — Вы с ума сошли... — прошептал старик, наклоняясь над постелью летчика, — да вы что, не рады своему воскрешению из мертвых? Не рады своему выздоровлению? Скажите только одно слово: да?

Давыдов проглотил слезы и утвердительно кивнул головой. Он закрыл глаза, и слезы струились по его изуродованному рубцами лиловому от ожогов лицу.

— Кому я... нужен... такой, — прошептал он плача, как мальчик, и стыдясь своих слез.

— Давыдов... перестаньте! Давыдов, это — нервы. Это — глупости. Это, наконец, несправедливо. Вы слышите меня, лейтенант Давыдов? Идите сейчас же ко мне в кабинет. Я жду вас... Я вам приказываю это.

Старый хирург вышел, почти выбежал из палаты. Он был взволнован, растерян и огорчен. Он, втянув голову в плечи, ходил из угла в угол своего кабинета. Этот лейтенант, которому он кропотливо сшивал множество ран, сращивал переломанные кости, этот человек, которого он спас от неминуемой смерти, был его творческой победой... И вот он заявляет, что ничего этого не надо было делать...

Гремя костылями, вошел Давыдов.

— Я вас обидел, доктор, — сказал он тихо.

— Меня? — Старый доктор пожал плечами, и очки в золотой оправе запрыгали на его переносице. — Дурень вы этакий. Вы обидели себя. Кому он нужен?! Боже мой, вот спасай таких молодых прыгунов. Кому вы нужны? Вы нужны стране, родине, семье своей, за которую вы пролили

кровь. Да вы же защитник советской земли, Давыдов, вы сшибли чорт знает сколько этих фашистских «Мессершмидтов».

Да! Вы не можете больше летать. Но вы найдете себе другое место в борьбе. Разве мало у нас найдется для вас дел? Нюня вы!..

Маленький старый доктор был прекрасен в своем гневе. Он подбежал к окну, за которым расцветала буйно сирень, и забарабанил длинными пальцами по стеклу. Седая борода его дрожала, и очки в золотой оправе еще сильнее прыгали на переносице.

Давыдов виновато улыбнулся. Старик его отругал, и ему стало легче. Он поднялся с кресла и подошел к хирургу.

— Доктор, — сказал он, касаясь подбородком профессорского плеча, — какой вы чудесный человек... Мне не хочется с вами расставаться. Спасибо вам, доктор. Разумеется, я нюня, и это очень скверно. Я обещаю вам прекратить это, доктор. Конечно, я найду место в жизни!

Несколько секунд они молча смотрели в окно. Они стояли, как отец и сын.

— Какова сирень! — примиренно бурчал старик, — какое небо нынче. Теперь это все ваше, Давыдов. Я вам все это дарю. Неплохо, а? Через несколько дней вы увидите свою жену.

Давыдов болезненно поморщился и, стуча костылями, снова ушел в кресло. Он закрыл глаза.

— Что еще? Что вы еще придумали, лейтенант? — грозно спросил старик.

— У меня молодая жена, профессор. Молодая, красивая жена... — стыдливо прошептал Давыдов.

— И что же?! — сердито воскликнул хирург. — Несколько мне известно, она жива и здорова, и почтальоны устали носить от нее письма в наш госпиталь.

— Да... Маша пишет прекрасные письма... Ее письма для меня воздух. Она ждет меня. Мы очень дороги были друг другу, доктор. Но я, доктор... я должен вам признаться... может быть, это глупо... я не писал ей про это. — Давыдов провел

ладонью по обожженному лицу, по скошенной на три четверти ноге.

— Не мог, не мог... Скрыл, — пробормотал он, мучительно краснея.

— Вздор, — отчеканил доктор, — напрасно скрыли. Ваши рубцы — почетные рубцы. Ваши ожоги — славные ожоги. Дети должны снимать шапки, встречая вас на улицах. Жена должна гордиться, ведя вас под руку по городу...

— Ах, доктор! — радостно засмеялся Давыдов. — Как хорошо с вами. Простите, что я расстроил вас. Я ночи не сплю, доктор. Иногда мне кажется, не лучше ли хлопотать в инвалидный дом, куда поехал мой сосед по койке Вася Курочкин. Вы знаете, что Курочкина... бросила жена. Она оказалась от него, а родных у него нет...

— Это была шлюха! — отрезал, нахмурившись, доктор, — Идите в палату, Давыдов. Сейчас ужин. Идите в палату и не терзайте свою голову дурацкими мыслями, — не для того я ее чинил!

... Но нелегко было выбросить из головы эти мысли в последнюю госпитальную ночь. Давыдов ворочался с боку на бок, бредил, стонал, пил воду, ощупывал обрубок искаленной ноги. Когда в палате стало светло, он взял с белого столика зеркало и недружелюбно рассматривал свое лиловое изувеченное лицо.

«Глаза те же, — подумал он, и это его согрело, — глаза-то Маша должна... узнать. Она их любила».

В воскресенье Давыдов приехал в родной город. Он не телеграфировал Маше, и его никто не встретил. Румяная девушка с повязкой красного креста на рукаве вывела его на площадь, и он заковылял по зеленым кудрявым улицам, залитым утренним солнцем и влажным от недавно пролитого дождя. Пахло почками, листьями, цветами. Перед ним, как на ладони, лежал знакомый поселок, вдали белело здание заводского дома культуры, где он впервые познакомился с Машей.

Маша! Давыдов почувствовал, как все его существо затопила бурная радость. Сейчас он увидит Машу, родную

свою Машу. Мучительные переживания куда-то исчезли. Давыдов забыл обо всем. Он улыбался. Он прибавил шаг, энергично выбрасывая вперед свои костыли. Вдруг споткнулся и съехался.

«Нет, я так не могу идти к Маше, — горестно подумал Давыдов и прислонился к стене дома, — надо было написать ей. Почему я этого не сделал? Как смел я молчать? Я не пойду. Она... испугается. И вообще надо было давно сказать. Она бы обдумала, решила...»

Солнечное утро померкло. Больше не радовала курчавая зелень деревьев, омытых весенним дождиком. Давыдов резко повернулся и медленно зашагал обратно на вокзал.

Он добрал до санитарного пункта и сел в углу, опустив руки, свои сильные, умные руки, которые так превосходно управляли рулем самолета. Несколько минут он сидел молча. Потом он решил написать письмо Маше. Карандаш не бегал, а метался, носился по бумаге. Давыдов писал все. Он писал, что он изувечен, что его лицо безобразно, он называл себя калекой и уродом, он клеветал на себя, изображая все в гораздо более мрачных красках, чем это было в действительности.

«Да, я такой, Маша, — писал он порывисто, прокалывая графитом листки блокнота, — ты знала меня красивым, сильным, здоровым, тебе доставляло удовольствие, когда девушки засматривались на меня, когда мы шли с тобой по городу. Теперь я не тот...»

Он перестал писать. Его душа протестовала. «Как это так — он не тот? Разве Маша его любила только за красивое тело? Разве не остался он таким же человеком, каким был? Да ведь он стал лучше, зреее, мудрее. Разве он не отдал бескорыстно все, что мог отдать родине, в трудный час, разве не он был крепким и храбрым солдатом в сражениях с фашистским зверьем?..»

Но он горько усмехнулся. И подмахнул сурово:

«...и если тебе не под силу эта ноша, не приходи».

Давыдов разыскал румяную девушку с повязкой на рукаве и протянул ей конверт.

— Это... очень важно... Вы ничего не говорите. Вы просто опустите в ящик... В синий ящик на дверях, — глухим от волнения голосом сказал он, и в глазах его было столько мольбы, что румяная девушка, не дослушав до конца его просьбу, взяла письмо.

Давыдов, нахохлившись, сидел в привокзальном сквере, под липой, которая была указана в письме. Он ждал, вздрагивая всякий раз, когда на дорожке показывался силуэт женщины. Легкий ветер трепал полы его смятой, простреленной шинели. Воробей сел на подушку его костыля, нагретую солнцем, дерзко чирикнул и улетел. Давыдов сидел час, два. Маши не было.

«Не придет, — тоскливо заныло в мозгу. Он испугался. — Неужели не придет? Нет, что бы ни было, а придти-то она ведь должна... Придти, сказать... Неужели не придет?»

Прошел еще час. Маши не было. Давыдов устал. Солнце напекло ему голову. Болели плечи. И еще сильнее болела душа.

«Так, — стучало в мозгу, — значит так... Так...»

Он поднял отяжелевшие веки, протянул руку к костылю. И вдруг увидел женщину. Она шла прямо к нему. Нет, она не шла, она бежала, размахивая руками, словно крыльями. Каштановые пряди ее волос разметались на ветру.

— Маша! — крикнул он в смертельной тоске, в сумасшедшей радости и затрепетал и съежился, как мальчик, над которым замахнулась чья-то тяжелая рука.

— Маша... ты видишь... Маша... ты видишь... — лепетал он, смеясь и плача и не открывая счастливых глаз, на которые легли теплые ладони женщины.

— Как ты смеешь... как ты смеешь... нет, как ты смеешь, — дрожа от горечи, гнева, радости, повторяла женщина и гладила и целовала его бритую, пересеченную шрамами голову, его лоб, глаза, губы, его изувеченные щеки.

Она помогла ему подняться. Она взяла его под руку. Она подала ему его костыли. Надела на себя его выцветший походный мешок.

Они гордо шли рядом через весь город, залитый солнцем.

РЕЖИССЕР

Глухой зимней ночью один из передовых постов крупного партизанского отряда задержал жалкого на вид человека.

Он одет был в легкое изношенное пальтишко, прожженное в двух местах. Голова его была перевязана белой тряпкой. Тряпка эта была явно мала и не закрывала целиком его обмороженных распухших ушей. Измятая кепка тоже была мала и еле умещалась на макушке.

Давно нестриженные волосы лежали по плечам, длинная борода была заправлена под ворот наглухо застегнутого пальто. Он еле держался на ногах, дрожал от холода и просил скорее проводить его к Ефиму Ивановичу Долгову.

— А зачем вам к нему? — подозрительно спрашивали партизаны.

— Я — Закуренок. Слыхали?

Партизаны, стоявшие на посту, были из дальних деревень и ничего о нем не знали.

— В руках-то у тебя что? — спросили они, указывая на узелок, который он прижимал к себе трясущейся рукой.

— Грим... Парики... Я — Закуренок, — твердил он. — Неужели вы обо мне ничего не слыхали?!

Он считал свое имя известным, и его обижало, что оно ничего часовым не говорит.

— Вызовите скорее Ефима Ивановича, а то я скоро замерзну и не увижу его.

— Отведи его к начальнику, — приказал постовой другому, — а то на самом деле человек сейчас того... богу душу отдаст.

— Кто вы такой? — спросил начальник, посмотрев на этого человека, похожего на древнего пустынного, одетого в жалкие остатки современной одежды.

— Помните Закуренкова! Я — Закуренок.

Закуренков! Как не помнить Евгения Митрофановича Закуренкова. В колхозном клубе села Липки он работал режиссером. Колхоз был богатый, имел возможность держать своего режиссера. Липкинский драматический кружок славился на весь район. Он ставил «Бедность не порок», «Ревизора», начал готовить «Грозу», но тут началась война.

Закуренкова любили в колхозе. Это был человек больших и разнообразных способностей. Маленький сельский Леонардо да Винчи, он ставил хорошие спектакли, писал стихи, составлял проекты построек. По его проекту на ручье Тимке колхоз выстроил льномяльный пункт. Незаметный Тимка старательно стал работать, приводя в движение сотни колес.

— Я полагал, что вы эвакуировались, — сказал Долгов, начальник партизанского отряда, бывший директор Липкинской средней школы.

Нет, Закуренков не успел эвакуироваться. Колхозники, ненавидевшие режиссера, скрывали его в сараях, подпольях, землянках. Он давно не видел вольного света, оброс волосами, отощал.

— Как же это вы к нам надумали, Евгений Митрофанович? — спросил Долгов.

— По-моему, нам надо продолжить работу над «Грозой», — проговорил он. — Спектакль этот мы, все-таки, поставим, немцы не век будут на нашей земле.

— Что ж, давайте продолжим, — согласился Долгов.

Закуренкову в отряде очень обрадовались. Его остригли, побрили, выдали теплую одежду, стали усиленно подкармливать, и одичавший липкинский Леонардо да Винчи ожил, стал приобретать прежний образ человеческий.

У нас принято думать, что партизаны все время проводят в опасных горячих боевых делах. Это бывает часто, но не каждый день. Бывают паузы. Иногда продолжительные. Тогда людей, привыкших постоянно и много трудиться, посещает тоска. Жизнь в глухом зимнем лесу, в тесных землянках тяжела и тосклива. Бывают длинные вечера, когда

люди остро чувствуют, что все уже сказано-пересказано, книжки, чудом попавшие в отряд, читаны-перечитаны, и тогда людей совсем одолевает скука, делает их вялыми и раздражительными. Из-за этого Закуреньков оказался в партизанском отряде весьма нужным человеком. Он знал много стихов и умел артистически читать их. Человек большой любознательности, он за свою сорокалетнюю жизнь прочитал множество книг и умел мастерски с подробностями и прикрасами пересказывать прочитанное. Партизаны слушали, затаив дыхание, боясь пошевелиться, а когда приходило время кончать, Закуреньков обрывал на самом интересном месте, объявляя:

— Продолжение следует завтра.

На следующий день слушать продолжение приходило народу еще больше. Пересказ какого-нибудь одного романа занимал несколько вечеров.

Закуреньков сохранил в своем узелке и принес в отряд два экземпляра «Грозы», несколько париков, коробок грима и тюбиков вазелина. Так все эти театральные принадлежности были дороги его сердцу. Некоторые исполнители ролей оказались в отряде, на место отсутствующих подобрали новых и возобновили работу. Смотреть на репетиции собирались партизаны, свободные от нарядов и походов на боевые операции. Сейчас в глуши, среди сугробов и вечно угрюмых елей они смотрели эти репетиции с большим наслаждением, чем в мирное время хорошо подготовленные спектакли. Роль Катерины исполняла двадцатитрехлетняя красавица Христина Комова, фельдшер в отряде. Высоким грудным голосом она взволнованно и задушевно говорила: «А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка».

Эти слова она произносила с таким чувством, что у партизан замирало сердце. В них Христина вкладывала жадную мечту о прежней прекрасной свободе, которую отнял окаянный враг, и в эту минуту все ощущали эту жажду свободы с предельной силой. Страдания Катерины напоминали о стра-

дениях родных советских людей в мрачном царстве фашистских зверств и насилий, и пьеса приобретала в сердцах партизан огромный действенный смысл, звала в бой.

Один раз партизаны захватили немецкий обоз где-то между деревнями Соболиха—Коковешкино—Мигачи. В Соболиху прибыл немецкий отряд, немцы спрашивали:

— Кто захватил обоз?

— Партизаны.

— Где они?

— Кто их знает... Ищи ветра в поле.

Немцы устроили в Соболихе порку, но партизан никто не выдал.

Тогда немцы взяли из этих двух-трех деревушек два десятка заложников. Это немедленно стало известно в партизанском отряде. Их решено было во что бы то ни стало спасти. Долгов разрабатывал план освобождения. Операция предстояла трудная. По соседству с Соболихой в селе Ивине стоял крупный немецкий отряд, ввязываться с ним в открытый бой было опасно. Закуренков предложил «режиссерский вариант» этой операции. Он изложил его начальнику и заключил:

— Видите — все можно сделать просто и тихо.

Долгову закуренковский вариант понравился, он одобрил его. Узнали, в каком помещении томятся заложники, какими силами располагает полицейский участок в Соболихе. Тогда из партизанского лагеря вышла небольшая группа людей. Скрытно выбравшись из леса на большак, они приняли соответствующий порядок. Женщины, старики, подростки сбились в жалкую кучку и двинулись к Соболихе под конвоем немецких автоматчиков. Они прошли Мигачи, Коковешкино, пришли в Соболиху и направились к полицейскому участку. Жители Соболихи смотрели в окна, в щели ворот и говорили:

— Из Мигачей еще проклятые в залог ведут.

Партизаны вошли в помещение полицейского участка, заполнив его, и рассыпались в беспорядке. Дежурный немец-

кий унтер заорал на конвоиров — зачем они распустили, дескать, этих скотов. Где начальник конвоя?

— Я — начальник конвоя, — ответил по-немецки учитель иностранных языков Липкинской школы Войлоков, одетый в форму немецкого ефрейтора. Он строевым шагом подошел к столу, протянул правую руку с бумагой и, когда унтер взял ее, ударил в висок левой рукой, с надетой на пальцы железной перчаткой. Это послужило сигналом, началась рукопашная схватка. Партизаны перебили полицейских, перерезали телефонный провод... Потом партизаны вывели заложников, построили их и двинулись прочь из Соболихи. По узкой проселочной дороге быстро, плотной цепочкой шагали они. Войлоков шел сзади и строгим рываньем на немецком языке торопил, подгонял... Осталась позади Соболиха, Кокшешкино, вступили в Мигачи... На околице Войлоков остановил шествие и сказал на добром русском языке:

— Операция прошла благополучно. Мы теперь в безопасности. Можете идти по домам... Только уж больше не попадайтесь немцам на глаза. Часть заложников ушла к партизанам.

Когда партизаны вернулись в лагерь и Войлоков доложил о проведенной операции, Долгов сказал:

— Блестящая удача. Вы провели операцию превосходно.

— Спектакль имел полный успех. Постановка Закуренкова, — весело ответил Войлоков.

Другой раз партизаны захватили две подводы. Немецкий офицер в сопровождении своего адъютанта ехал в широких русских пошевнях.

По всем данным поездка имела важную цель, но офицер на все вопросы Войлокова, знавшего немецкий язык, ничего отвечать не хотел. Его пристрелили. Тогда адъютант и солдаты сразу развязали языки. Они рассказали, что офицер ехал из города в село Липки на волостное собрание старост и полицейских.

Слушая их показания, Закуренков задумался. Потом он решительно встряхнулся и воскликнул:

— Продолжение следует. Офицер должен прибыть в Липки! Съезд нельзя срывать.

Долгов склонился к нему, зная, что режиссер придумал что-то оригинальное. Через некоторое время те же лошади вымахнули из леса на большак и помчались к Липкам.

В пошевнях, кроме немецкого солдата-кучера, сидел немецкий офицер с адъютантом, на второй подводе — громоздились солдаты.

В Липках их давно ждали. Липкинский старшина раскладывался перед офицером и просил зайти к нему — погреться с дороги, откусать чайку.

Офицер неопределенно махнул рукой, этот жест старшина принял как отказ и провел приехавших в волостную управу, где давно ждали старосты и полицейские.

Офицер величественно прошел к столу. Сказал несколько слов на немецком языке. Переводчик перевел. Из этих слов явствовало, что немецкое командование недовольно деятельностью старост и полицейских. Затем офицер приказал выложить на стол оружие. Старосты и полицейские решили, что они впали в немилость, и покорно выполнили повеление.

Партизаны, переодетые в форму немецких солдат, тут же расхватили это оружие. Тогда немецкий офицер на чистом русском языке властно крикнул:

— Руки вверх!

Через несколько часов сборище предателей в полном составе было переселено в партизанский лес.

— Великолепное продолжение, — сказал командир отряда Войлокову, который ездил на операцию в качестве немецкого офицера.

— Вы превосходно выполнили свою роль. Этих изменников в течение всей зимы не переловить бы, а тут их будто неводом поддели.

— Постановка и грим режиссера Закуренкова, — шуткой ответил Войлоков. — Успех полный. Билеты все проданы.

КУКЛА

Рассказ

Лицо в морщинах, волосы седые... Ей пятьдесят. Да, ей пятьдесят!.. А мне всего-навсего тридцать три.

Полгода тому назад у меня не было ни одного седого волоса, была я совсем молодой.

Я проклиная себя за то, что послушалась тех, которые говорили: «Немцы тоже люди». Они пришли в наш поселок. Мы не выходили на улицу, старались не показываться им на глаза. Потом они пришли в мой дом. Спросили:

— Где муж?

Я прямо сказала:

— В Красной Армии.

Спросили еще:

— Где партизаны?

Сказала:

— Никаких партизан не знаю.

Верно, я тогда даже не слыхала о них. Мне вроде как бы поверили, оставили в покое. Потом пришли ко мне четверо немцев на постой. Ютилась я с дочуркой в маленькой кухонке.

— Немцы заняли чистую зальцу и боковушу и хламили тут и чесались целый день.

Один кое-как талалакал по-русски и был из четверых самый тихий.

Он был и вежливый; каждое утро заглядывал ко мне на кухонку и говорил:

— Здраст, Евдокей!

Он занял себе место в нашем зальце у самого светлого окна и часто рисовал.

К нему приходили солдаты, он срисовывал портреты и

брал за это с них едой и жрал целыми днями почти беспрерывно.

Корова у меня была. Перед весной отелилась.

Молоко все стали немцы отбирать, теленка сожрали. Утайкой я оставляла одну криночку для своей четырехлетней дочурки.

Как-то вечером приходят ко мне три немецких солдата и требуют молока. Я говорю, что нет ни капли, все уже забрали. Вежливый говорит, что их послал офицер, ему нужно молоко на ужин. Я говорю — не осталось ничего. Они не уходят, бормочут что-то между собой. Я, чтобы отвязаться от них, взяла дочурку за ручку и ушла в огород, постоят, думаю, побурчат да и уйдут, а то конца их приставаниям нет.

Снег сошел. Наступила весна. Я грядки вскапывать принялась.

Копаю я грядку, чтобы забыться, и вдруг слышу — на дворе шум.

Прибежала туда — вижу: валяется моя корова посреди двора, кровью обливается, — все четыре ноги у нее обрублены.

Во мне все камнем сразу затвердело — ни крика у меня, ни слезинки. Только подумала я: «Жрите, проклятые, мою корову, жрите, подавиться бы вам... Зверь и тот без издевательств жрет животное, а вам и до зверей еще далеко, вы сначала мученьями упьетесь, а потом уж и за жратву».

А вежливый, — он такой высокий был, одно плечо ниже другого, — через низкое плечо обернул ко мне змеиную свою морду, поправил очки и тихо, раздельно каждое слово говорит:

— Что не подчиняется, то уничтожается, Евдокей.

Корову немцы сожрали.

До войны жили мы с мужем хорошо. Он служил бухгалтером, я домашней хозяйкой дома управлялась. Детей — одна только девочка. Не знали, чего пить-есть. Сядем, бывало, за стол и не знаем, чего поесть: и то надоело и этого не

хочется. В нашем поселке в насмешку меня называли — ба-рыней. У нее, говорили, только и дела, что дочку за ручку поводить, да корову подоить... Одевалась я хорошо, не пропускала ни одну моду на платья, шапочки и пальто.

Перед приходом немцев из вещей я, конечно, все кое-куда прибрала. Вот дочурка моя, — бойкий, сметливый ребенок, — и разыскала как-то припрятанную куклу. Замечательная была кукла — большая, красивая, глаза открывала и закрывала, а нажмешь ей на брюшко, — протяжно и удивленно вскрикнет — «ах, ах», как будто увидит что-нибудь очень интересное.

Ее привез моей дочке дядя, мужнин брат, инженер путей сообщения.

Приезжал он к нам как-то летом отдыхать и вот преподнес нашей малютке эту куклу.

Раз уж дочурка разыскала ее, показала всем, то пусть играет. Не тронула, оставила ей куклу.

Этот вежливый немецкий дьявол, этот тихий змей, все покашивался через свое низкое плечо на игрушку, все покашивался... И день, и другой, и третий... Я гляжу на это, и сердце мое бьется тревожно-тревожно, чувствует что-то недоброе. «Но на что ему кукла, — стараюсь успокоить себя, — ведь он не маленький, неужели станет обижать крошечного безвинного ребенка».

День на четвертый, как сейчас помню, подозвал он к себе мою дочурку и ласково-ласково сказал:

— Дай мне куклу, Наталья!

И взамен сует ей какую-то самодельную картинку. Девочка на картинку даже не поглядела, нахмурилась и обеими ручонками крепко прижала свою любимую игрушку к себе. Потом тихо пошла от него, украдкой целуя куклу.

Чтобы не обидеть дочурку и не раздражить чем-нибудь этого вежливого дьявола, я не промолвила ни одного слова, как будто меня тут и не было.

Прошло два дня. Было утро. Девочка моя только встала. Я одела ее. И тут заявляется к нам этот вежливый.

— Здравст, Евдокей!

Я пробурчала что-то в ответ и насторожилась. Он присел на корточки и приторно ласково заговорил с моей дочуркой.

— Где твой кукла, Наталь?

Девочка огляделась кругом, сбегала в уголок, где лежала кукла, — нет игрушки.

Растерянно и умоляюще посмотрела на меня.

— Не знаю, говорю, доченька, где твоя игрушка... Вчера вечером мы клали ее в уголок... Не знаю, не знаю, куда она подевалась. Может, дядя куда схоронил, чтобы с тобой пошутить...

— Кукла твой, Наталья, на огород работает, — сказал, усмехаясь, немец, — землю лопатом копает.

Малютка обрадованно всплеснула ручонками и побежала на огород. Я видела в окно, как вздулось от встречного ветра белое платьишко и мелькали босые ножки... Вот сейчас закрою глаза и вижу — русую головку, белое платьишко и мелькающие босые ножки.

Помню — было солнечное весеннее утро с тихим ласковым ветерком.

Девочка остановилась на огороде, огляделась и увидела куклу, приставленную к пеньку яблони. Тут росла у нас хорошая яблоня, да немцы спилили ее на дрова.

Девочка подбежала к игрушке и схватила ее... В тот же миг раздался страшный взрыв.

Зверь-немец приладил к пеньку гранату, протянул от нее к игрушке ниточку... Как только девочка потянула куклу к себе, граната взорвалась.

Я выбежала на огород. Девочка моя лежала в лужице своей крови. Ей оторвало обе ножки и ручку... Куклу разтрепало на куски — на грядках валялись обрывки тряпок, осколки... Я схватила дочку на руки, и вскоре на руках у меня она умерла.

Я упала в обморок и пролежала без сознания до вечера. Вечерняя свежесть привела меня в чувство. Я приподня-

лась и облокотилась на грядку. Сажу, как безумная. Подходит ко мне вежливый дьявол и говорит:

— Что не подчиняется, то уничтожается, Евдокей!

Я посмотрела на него и ничего не сказала.

Взгляд мой был, видно, страшен, потому что немец замигал-замигал, схватился рукой за очки и попятился... И, то и дело оглядываясь, ушел с огорода.

Да, ничего я не сказала. Что ему говорить? Ведь у того зверя больше души и разума, чем у него. Где родятся такие изверги, какие гадюки воспитали их, будь проклято то место, откуда пришли они.

Я руками разрыла грядку, на которой была посажена горсть сахарного гороха. Хотелось летом побаловать дочку стручками. Разрыла и похоронила тут последнюю свою радость.

Ночью я прямо с огорода ушла в лес. Долго искала партизан. Ведь не знала, где, в какой стороне они существуют. Но раз постановила себе найти — нашла! Была молодая, дюжая, румяная, а пришла к ним седая, старая, худая, как щепка.

— Взорвите, говорю, мой дом!

— Что тебе так спешно дом взрывать понадобилось?

Рассказала им про свои горести и переживания.

Оставили они меня у себя. Стала я поручения исполнять, ходить с ними по своей охоте в бой.

Дождалась того дня, когда в нашем поселке решено было провести операцию.

Это для меня было большим праздником.

Мы незаметно пробрались в поселок ночью.

Вежливый стоял у склада на посту. Я его сразу узнала по кособокой фигуре.

Я подбиралась к нему долго, осторожно...

Он чуял что-то, все приглядывался, останавливался, прислушивался.

В траве мне попался ящик из-под патронов. Я изловчилась и метнула ящик ему в харю. Очки разлетелись, стекла

врезались в глаза. Он выронил автомат, схватился за глаза и заскулил. Не закричал, не завопил, а заскулил жалобно и обиженно. Я подбежала и прикладом карабина разнесла ему башку.

Но это еще было не все. Я добралась до своего дома. Немцы не спали... Что-то разбудило их... Может, они слышали, как скулил вежливый.

Я вошла в дом смело, как хозяйка. Рывком распахнула дверь. Кинула гранату в залые, где шевелились немцы, и захлопнула дверь.

Постояла за дверью и, когда взрыв утих, открыла ее и для верности метнула еще гранату.

ПЬЕСЫ, СЦЕНКИ

В. СУХОДОЛЬСКИЙ

ДУРАК

Сценка

(Перевод с украинского)

Крестьянская хата. Горит свеча. Над развернутой картой склонился лейтенант Вейдеман. Это совсем юный немецкий офицерик, самоуверенный и наглый. Рядом—полевой телефон

Вейдеман (делает на карте отметки карандашом, потом со злостью швыряет карандаш). Чорт! Ничего нельзя понять по этой карте. (Делает несколько шагов по хате.) Но приказ есть приказ. (Вынимает из полевой сумки приказ и вполголоса читает.) «Из села Вербки пройти через болото на село Хвощи для неожиданного удара во фланг неприятеля. Об исполнении донести»... Да, приказ есть приказ, чорт возьми! Но где дорога через болото? (В телефон.) Сержант Шток?.. Да, это я, Вейдеман... Что? Не нашли курицы на ужин? Чорт с ней, с этой курицей! Нам нужна сейчас не курица, а кто-нибудь из местных людей. Немедленно пусть разыщут «языка»... В селе нет ни души?.. Я жду! (Кладет трубку.) Варварская страна, варварский народ! Победители принуждены голодать. Какая историческая нелепость. А ведь нам может предстоять еще и обратный путь. Что же тогда? (Рассматривает карту.) Вот эти

проклятые Хвощи. Но где же дорога через болото?.. Неразрешимая задача!

Протяжный звонок телефона.

(Хватает трубку.) Слушает лейтенант Вейдеман. Да, я получил приказ, господин майор... Так точно, господин майор, мы сейчас выступаем... Дорога на Хвощи? Она передо мною, как на ладони, господин майор. У меня прекрасный проводник. Положитесь на меня... Слушаю. (Вешает трубку.) Фу, вот положение! А этот негодяй Шток и не думает помочь своему командиру. Низкая зависть... (С ожесточением снимает трубку телефона.) Дежурный, позовите сержанта Штока... Шток? Я только что говорил с майором. Я сказал ему, что у нас уже есть проводник. Понимаешь? В случае успеха операции я получу повышение, а ты займешь мое место. Найди во что бы то ни стало проводника... Что? Ефрейтор нашел местного жителя? Он его повел ко мне? Прекрасно. Жду... Он круглый дурак? Ефрейтор?.. Житель?.. Почти идиот?.. Прекрасно. Я очень рад: с идиотами легко сговориться. Будь готов к выступлению. Дурак, которого приведет ефрейтор, поможет нам выполнить приказ.

Стук в дверь.

(Кладет трубку и направляется к двери.) Кто здесь? (Распахивает дверь.) А, это вы, ефрейтор Фриче? Вы привели «языка»? Да, пусть войдет. Останьтесь за дверью и не уходите. (Отступает на несколько шагов.)

В комнату вваливается неуклюжий парень; голова у него взлохмачена, лицо заспанное. Парень тупо смотрит на майора и, не выдержав, громко и протяжно зевает.

Молчать!

Парень (испуганно закрывает рот, причем лязгает зубами, точно железной скобой, потом смущенно улыбается). Извиняюсь. Испугался...

Вейдеман (покровительственно). Не бойся. Мы есть друзья. Понимаешь?

Парень. Гы! Понимаю. Люблю, когда по-хорошему...

Вейдеман. Мне нравится простодушный русский народ. Он есть несчастный народ. Мы освобождаем его от большевиков.

Парень (немедленно садится). Тогда все в порядке.

Вейдеман (сдерживаясь). Имя?

Парень (оглядываясь по сторонам). Мое?

Вейдеман. Твое.

Парень. Если мое, то Федько. С малых лет Федько. Ничего с этим не поделаешь.

Вейдеман (перебивая парня). Фамилия, болван?

Парень. Фамилия? Моя?

Вейдеман. Твоя, конечно.

Парень. Если моя, так Барабулька. Фамилия, сказать правду, не первый сорт. (Доброжелательно.) А ваша как фамилия?

Вейдеман (не выдерживает тона). Идиот!

Парень (сокрушенно качает головой). Тоже, значит, не первый сорт фамилийка... фон-Идиот. Знаю я один случай с одной фамилией... Позапрошлым летом один дядька по фамилии Раздерисобака...

Вейдеман (начиная терять терпение). Молчать!

Парень (обиженно). Ну, ежели молчать, так и разговора никакого не может быть.

Вейдеман (подозрительно оглядывает его со всех сторон и хлопает себя по карману). Выверни карманы.

Парень (оторопело). Вывернуть карманы?..

Вейдеман. Да. Немедленно выверни карманы.

Парень. Гы... Боюсь.

Вейдеман (грозно). Ну?..

Парень (делает шаг к Вейдеману и хватается его за карман брюк). Гы...

Вейдеман (отскакивает в сторону). Ты что?! С ума сошел?

Парень. Гы... Карманы хочу вывернуть.

Вейдеман. Дурак! Свои карманы выворачивай.

Парень. Так бы и сказали. А то — выворачивай карманы. А чьи карманы? Я не святой дух, чтобы про все карманы знать. Свои — это дело привычное, а чужие не приходилось выворачивать. У нас за такие штуки бьют. (Выворачивает карманы брюк.) Интересуетесь? (Из карманов падают сопелка, кусок сахара, огурец, веревочка, пуговица и прочая хозяйственная мелочь. Заботливо поднимает свое добро, сдувает с него пыль и кладет вещи на стол.) Пожалуйста, если нравится. Мне не жалко.

Вейдеман (указывая на сопелку). Что это?

Парень. Свистулька, музыка такая. (Прикладывает сопелку к губам и издает несколько звуков.)

Вейдеман. Отставить. Довольно.

Парень. Довольно, так довольно. Меня всегда девчата просят поиграть. Люблю девчатам удовольствие делать. Сладенькое любите? (Тщательно дует на огрызок сахара и преподносит его лейтенанту.) Кушайте, пожалуйста.

Вейдеман. Забери эту дрянь.

Парень. Какая же это дрянь? Дай бог всякому такой дряни побольше. (Прячет в карманы свое имущество.) Я так думаю, что штаны людям для карманов сделаны, а карманы для всякого добра, что кому положено...

Вейдеман. Довольно болтать. Где все люди? Почему никого нет в селе?

Парень (присвистнул). Фью-ю!

Вейдеман. Отвечай.

Парень. Говорите — довольно болтать, а теперь — отвечай. Я так с толку могу сбиться.

Вейдеман. Я спрашиваю тебя, куда девались все люди из села?

Парень. А я и говорю, как положено: уехали в энском направлении. А председатель колхоза, товарищ Беркун... Не знаете? Товарищ Беркун мне и говорит: «Собирайся, Федько, в дальний путь-дорогу. Сейчас будем отчаливать». А я же не дурак, я и подумал: «Ну, и отчаливайте, если вам приспичило, а я спать лягу. По крайности, никто меня теперь спозаранку будить не станет». Забрался в коровник и заснул.

Вейдеман. Хорошо сделал.

Парень. Ого! Я не дурак.

Вейдеман. Да, ты не дурак. Ты правильно рассудил.

Парень. Спасибо. И вы, я вижу, не дурак.

Вейдеман (предостерегающе). Но! Ты понимаешь, с кем говоришь?

Парень (стараясь припомнить). А чего тут понимать? Как это? Фашистские собаки и гитлеровские бандиты.

Вейдеман. Что?! (В бешенстве.) Мерзавец! (Замахивается на парня.)

Парень (отступая). Ну, чего же вы сердитесь? Разве это я говорю? Это же председатель колхоза так понимает. «Придут, — говорит, — фашистские собаки и гитлеровские бандиты». Я не дурак! Я и подумал: «Эва, испугал! Не видал я собак, что ли?..» И лег спать. И тут, извиняюсь, собаки мне приснились! Порядочная такая свора густопсовых... Бегают по хатам и всякое добро волокут. Настоящие воруны.

Вейдеман. Глупый сон.

Парень. А, конечно, глупый... И будто хотят они меня покусать, а я их по морде, по морде, по морде!..

Вейдеман. Довольно, чорт возьми! Мне уже надоела эта дурацкая болтовня.

Парень (вздыхая). У вас не найдется покурить?

Вейдеман (смотрит на него в упор). Партизаны тут есть?

Парень долго думает, шевеля губами. Отвечай!

Парень. Обождите, я вспоминаю. (Перечисляет, загибая пальцы.) Цурканы есть, Молчаны есть, Пурканы

есть... А Партизаны?... Будто нет у нас такой фамилий. (Снова начинает перечислять.) Бурканы есть, Молчаны есть, Пузаны есть...

Вейдеман. Идиот! Это не фамилия, а разбойники, которые прячутся в лесу и стреляют в наших солдат. Понимаешь? Есть у вас партизаны?

Парень. Понимаю. Я ж не дурак. Я вот что думаю: ежели они в лесу, то нужно вам в лес сходить и там партизанов спросить. Правильно я говорю?

Вейдеман. Я сейчас прикажу тебя расстрелять, болван!

Парень. Гы... Шутите?... Есть покурить?

Вейдеман. Молчать! С кем разговариваешь? Не видишь?

Парень (внимательно его рассматривает). Нет, вижу. (Протирает глаза.) Основательно вижу. Человек вы молодой, примерно моих лет, а только я свинопас, а вы, видно, порядочная шишка... Однако, скажем по совести, оба мы не дураки...

Вейдеман (в сторону). Кажется, у меня нехватит терпения. (Парню.) Ты знаешь село Хвощи?

Парень. Соседнего села не знать? Вот тут, за болотом, и Хвощи будут. У меня там знакомые девчата.

Вейдеман. А где дорога через болото на Хвощи?

Парень. А там, где и была... Куда ей деваться!

Вейдеман. Я тебя про направление спрашиваю.

Парень. Направление — куда хочешь. У нас вполне свободно. Я, к примеру, сельскохозяйственного направления, а можно и по промышленному. У меня товарищ был, Ванька Танцура, — так он, извините, на ветеринара направление выбрал.

Вейдеман. Постой, постой... Фу, чорт!.. Трудно, однако, с тобой объясняться.

Парень. А я люблю непонятный разговор. Бывает, говоришь, а потом и сам не знаешь, про что говоришь. Очень приятно.

Вейдеман. Как проехать через болото на Хвощи — вот о чем я спрашиваю. Понимаешь?

Парень. Гы... А что тут понимать? Мельницу-ветряк на горке видели?

Вейдеман. Да.

Парень. Ну, вот и все.

Вейдеман. Что все?

Парень. На этом ветряке мельником был дед Макар. Он мне, извиняюсь, дальним родственником приходился. Замечательные дыни разводил дед Макар.

Вейдеман (почти в отчаянии). Я не про дыни тебя спрашиваю, а про дорогу на Хвощи! Боже мой, какой идиот!.. Как проехать через болото на Хвощи? Понимаешь, что тебя спрашивают?

Парень. А чего тут понимать? Я же не дурак.

Вейдеман. Ну?

Парень. Чего ну?

Вейдеман. Как проехать?

Парень. А зачем вам туда ехать? Село, извиняюсь, задрипанное. У нас лучше. Таких дынь, как у нас, в Хвощах никогда не бывало.

Вейдеман (в бешенстве). Я тебя сейчас расстреляю! Где дорога на Хвощи, мерзавец?

Парень. Да это и всякий дурак знает. Прямо удивляюсь, что вы не знаете. От ветряка через леваду, где растут вербы, а потом уже кустами до самых Хвощей.

Вейдеман (бросаясь к карте). А... вот и кустарник...

Парень. А можно еще и другой дорогой: на другой конец села выехать...

Вейдеман (поднимает голову). Другую дорогу ты мне сам покажешь... Сколько километров через болото до Хвощей?

Парень. А я считал?.. А вот ежели взять на дорогу добрую буханку хлеба да пару огурцов и начать от самого ветряка понемногу отщипывать хлеб и откусывать огурец, то пока до Хвощей доберешься, всю буханку хлеба можно умять. Теперь и считайте, сколько это километров.

Вейдеман. Выйди из хаты и обожди в сених.

Парень. Значит, обратно спать? (Идет к двери.) Это с удовольствием. Я, кажись, немного не доспал...

Вейдеман (кричит в дверь). Ефрейтор, придержите этого дурака, пока я не позову!

Парень выходит.

(Бросается к телефону.) Сержант Шток? Да, это я... Этот дурак все сказал. Немедленно отправляйся со своим отрядом. От ветряной мельницы дорогу показывают вербы, далее кустарник до Хвощей. Я пойду другой дорогой. Мы ударим во фланг с двух сторон. Немедленно. Для связи пришли мотоциклиста. (Кладет трубку, смотрит на часы.) Шток сейчас выступает. Я выступлю через полчаса... У меня есть время окончить письмо. (Садится к столу и пишет, потом перечитывает вполголоса.) «Моя маленькая Клерхен! Пишу тебе при тусклом свете свечи в селянской хатѣ, куда меня забросила судьба. Моя карьера подвигается быстро. Это блиц¹. Я уже командую отрядом, и мне дано ответственное поручение, которое я выполню блестяще. Русские вообще дураки...» (Поднимается из-за стола и делает несколько шагов по комнате.) К этому дураку я даже чувствую некоторую симпатию. Он поможет мне получить повышение и награду... Впрочем, после перехода через болото мы его расстреляем. (Присаживается к столу, быстро пишет и прочитывает вслух.) «Моя милая Клерхен, мы молниеносно покорим эту варварскую страну. Я возвращусь домой с немалой добычей. Нас ожидает богатство и слава. Получила ли ты синюю шубку и мех?.. Скоро ты снова получишь от меня приятный сюрприз». (Складывает письмо, запечатывает его в конверт.) Ефрейтор!.. (Пауза.) Ефрейтор!.. Заснул, негодяй! (Прислушивается.)

Ясно доносятся звуки соелки.

¹ Молниеносно.

Что за музыка? Откуда? Ефрейтор!

Звуки сопелки обрываются.

Ефрейтор!

Входит парень, зеваает и протирает глаза.

Парень. Звали?

Вейдеман. Я звал ефрейтора. Где ефрейтор?

Парень. Извиняюсь, сказать неудобно.

Вейдеман. Что за ерунда!

Парень. «Ты, — говорит мне ефрейтор, — посиди, а я по своим надобностям на пять минут сбегая».

Вейдеман. Мерзавец! Я ему покажу надобности!

Парень. Извиняюсь, зачем ему показывать? Он и сам знает — не малое дитя.

Вейдеман. Замолчи! Кто играл на дудке?

Парень (вынимает из кармана свою свистульку). Я играл.

Вейдеман. Ты? Кто тебе разрешил?

Парень. На такое дело не нужно разрешения. Душа просит — играю. (Прикладывает к губам сопелку и начинает играть.)

Вейдеман. Замолчи!

Парень. Не нравится? Я могу на другой лад. (Играет «Интернационал».)

Вейдеман. Ты с ума сошел!

Парень продолжает играть все громче.
(Толкает его.) Идиот, замолчи!

Слышен выстрел.

Парень. Вот теперь — да. Теперь можно и помолчать.

Вейдеман. Кто это стрелял? Ефрейтор! (Бросается к двери.)

Парень (преграждая ему путь.) Напрасно беспокоитесь.

Вейдеман (озабоченно). Как напрасно?

Парень. Извиняюсь. Прикончил я вашего ефрейтора.

Вейдеман (растерянно.) Как прикончил?..

Парень. Обыкновенно. По башке прикладом.

Вейдеман. Не может быть!

Парень. Вполне может.

Вейдеман. Как смеешь ты шутить со мной, дурак?

Парень. Нет, теперь я уже не шучу, ваше благородие.

Вейдеман с удивлением и ужасом смотрит на него. Лицо парня вдруг преобразилось: исчезла глупая усмешка, глаза смотрят разумно и строго, губы крепко сжаты, фигура выпрямилась.

Вейдеман (опомнившись, бросается к столу за своим револьвером с криком). Застрелю, мерзавец!

Парень (отталкивает его в сторону и хватает револьвер). Врешь!

Вейдеман. Чорт!.. (Хочет броситься к двери.)

Парень (преграждая путь ему). Руки вверх, дурак!

Вейдеман (поднимает руки вверх и беспомощно озирается). Боже мой, как это случилось?..

Парень. Пока мы тут с тобой дурака валяли, мои хлопцы устроили засаду. В крепко запертых хатах горят твои собаки-штурмовики. Сержант Шток утопает в болоте со всем своим отрядом. Штабные документы попадут теперь, куда нужно. (Берет со стола портфель с бумагами.) Понимаешь теперь, кто из нас дурак?

Вейдеман. Пощади!

Парень (направляя на него револьвер). Марш из хаты!

Вейдеман (пятится к двери). Куда? Куда вы меня ведете?

Парень. Получать советскую землю. Три аршина. Пожалуйста. Нам не жалко. Ступай! (Выталкивает его из хаты.)

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

Комедия в одном действии

Действующие лица

Тетка Марина.

Василек — ее племянник, партизан.

Шприц — немецкий офицер.

Чистая просторная комната. Полотенца на окнах. Картины. Этажерка с книгами. Радиорепродуктор. Большая, чисто выбеленная печь. В комнате тетка Марина и Шприц. Жирный рыжий Шприц стоит у двери в картинной позе, сверху вниз через плечо смотрит на тетку Марину. Тетка Марина у окна исподлобья смотрит на Шприца.

Шприц (после паузы). Некорошо смотришь.

Марина. Как умею.

Шприц. Веселей надо. Нежно смотреть, весело говорить. Корошо. Я есть немецкий офицер. Я могу разговаривайт громко. Ты должен весело говорить, омотреть нежно, ты глупый баба. Надо понимайт все... какой есть война. Мы есть победители. О, все нам, о... Я есть фон-Шприц. (Многозначительно.) Немецкий офицер! Ты должен держать полный дисциплина!

Марина (в сторону). Погоди, придут наши, мы вам покажем дисциплину.

Шприц. Что ты, баба, говорил? Куда ты говорил? Ты говорил мимо меня. Ты должен говорить прямо на меня.

Марина (зло). Да я не с тобой разговариваю, чего ты привязался?

Шприц. Молчать! Твой сын — партизан. Твой муж — партизан. О, я знаю это корошо. Где они теперь?

Марина. Одна я. Сказала тебе, одна.

Шприц. Это не глядит на твой лицо. Это глядит наоборот. Как ты смотришь — это они, партизаны. Так смотришь... (Показывает.) Ну, что? Я знаю. Ну, довольно болтайт. Я уйду. Когда я буду прийти, я буду кушать, много кушать, я усталь... Я буду отдыхайть и кушать.

Марина (в сторону). У-у, ясно: пожрать вам — первое дело.

Шприц. Слюшай меня: айн куриц, айн гуська, много-много яйцы, масло, можно молока, колбаса и мед и цвей... найн, драй — драй¹ бутилька водка. (Щелкнув языком.) Все! Я буду кушать один. Когда ты забывайт дисциплина, я буду стреляйть... Так стреляйть. (Показывает.) Пиф... Ну-ну... Весолий, весолий разговаривайть. (Толкнув ногой дверь, насвистывая, вышел и сию же минуту возвратился.) Только нужно не забывать. (Показывает на пальцах.) Айн куриц, айн гуська, масло, много-много яйцы, можно колбаса и драй бутилька водка. Дисциплина только. (Уходит.)

Марина (Шприцу вслед). Драй, драй... Надрать тебе морду твою рыжую!

Шприц (снова возвратившись). Это... не забывать: молоко и мед...

Марина (демонстративно кланяясь). Слушаюсь.

Шприц. О, это очень корошо. И потом корошо... Э-э... Твой дочка есть?

Марина. Одна я, одна... Сказала уж тебе.

Шприц. Одинаково все. Должен быть дочка. Понимайть?... Я усталь, потому отдыхайть. (Уходит.)

Марина (вслед). Тьфу!.. Свинья рыжая... Господи боже мой, да неужели это люди такие бывают? Не может быть. Это чтоб с таким жить?! Да никогда этого со мной не будет! Сейчас все оболью керосином и запалю, а сама уйду в

¹ Одну, две — нет, три.

лес к партизанам. Найду там племянника Василька, пусть тетку свою пристроит в отряде. Авось, и тетка старая пригодится. Хоть белье стирать, да своим, родным людям. Ой, горе ж ты наше великое!.. (Собирает вещи. Связав их в узел, начинает одеваться.)

Входит Василек — молодой белокурый парень в полушубке и валенках.

Василек. Здравствуй, тетка Марина. Хорошо, что живая... (Снимает рукавицы и достает из-под полушубка две гранаты и пистолет-автомат.) Вот ипрушки замерзли. Немецкие... непривычные до нашего холода. (Кладет автомат на стол.)

Марина. Ой, Василек, да как же это ты не боишься?

Василек. А наша партизанская жизнь, тетя Марина, вся рискованная.

Марина. Да у нас же в Кремневке немцы.

Василек. А где немцы, там и мы. Что ж нам, партизанам, делать-то там, где немцев нет?..

Марина. Да и выюга такая — глаз не откроешь.

Василек. Самая для нас подходящая погодка, тетка Марина. Вплотную мимо часовых прошел. Вроде ветер просветил, вроде куст в поле перекатился. Вроде сугроба лежал я с ихним штабом рядом. А у сугроба-то два уха; что я узнал, то не вырвешь.

Марина. Ой, Василек, веселый ты, все такой же. А поздоровел-то как, прямо мужчина стал. Только что без усов. Опять ребята будут говорить, что на девку похож. Ну, расскажи, как там наши живут.

Василек. Наши ничего, тетя. Не жалуются. Живут себе нельзя сказать, чтоб с большими удобствами, однако культурно. Радио есть, шашки... Ну, и другие развлечения... Ты лучше про Кремневку да про себя расскажи. Много немцев пришло? Какое оружие? Полностью информировуй, как уговорились.

Марина. Сейчас... Я только тебе поесть соберу.

Василек. А ты собирай и рассказывай.

Марина (ставя на стол еду). Ну, вот слушай... Пришли они утром.

Василек. Сколько? Сосчитала?

Марина. До семидесяти досчитала... И еще десятка полтора, а может, и два будет.

Василек. И то хлеб партизану.

Марина. Потом, две пушки.

Василек. Так.

Марина. Пулеметов, вроде нашего «максимки», три или четыре. Не разобрала хорошо.

Василек. Ладно. Уточним сами.

Марина. Ну, и на руках эти... как их... чуть не у каждого... Вот такие, как у тебя.

Василек. Да ну?.. Вот это хорошо!

Марина. Чему же ты обрадовался-то?

Василек. Так это же автоматы!.. Наши ребята их глубоко уважают.

Марина. Так они ж у немцев!

Василек. Так мы ж их заберем! Ну-ну... давай дальше (Ест.)

Марина. Пять грузовиков исправных и одна вроде легкая, да десять штук мотоциклов.

Василек. Небольшое хозяйство... А что в грузовиках?

Марина. Закрыто брезентом. Не поймешь... Похоже — ящики.

Василек. Ага, боеприпасы, значит. Молодец, тетка Марина... А танки были?

Марина. Было три... Прямо через хаты ездят, пол-улицы разорили.

Василек. Где ж они, гады?

Марина. Уехали куда-то.

Василек. Жаль... Ну, да ничего.

Марина. Над народом издеваются. У кого ничего не нашли — бьют. У кого забрали — тоже бьют. Слово скажешь — бьют. Молчишь — тоже бьют. Навалились, дышать тяжело.

Василек. Невеселые дела.

Марина. Их командир у меня остановился. Сегодня говорит, если ужин не приготовишь, застрелю. И яиц ему чтоб, и масла, и водки на десять человек заказал. А жрать, говорит, один все буду. Будто цельный год не жрал.

Василек. Они, тетка Марина, уже два года не жрали; покажи ему кусок сала, так он и тебя вместе с салом сожрет.

Марина. Вот им сало! (Показывает кукиш.)

Василек (смеясь). Сала пожалела, тетка Марина. Ну и жадна же ты!

Марина. Для тебя не жалко — ешь. Для тебя все есть, а им, идолам, нет ничего. Вот, видишь, губу разбил, да еще (передразнивает Шприца): «весело говорить, нежно смотреть...»

Василек. Веселый разговор, нечего сказать!

Марина. Спалю все и приду к вам. Терпенья нет!

Василек. А ты не горячись, тетка Марина. Немца бить нужно с толком... Чтоб со всех сторон. Мы там его щелкаем, а ты тут стой на своем посту.

Марина. Да пропади пропадом этот ваш пост — перед немцами спину гнуть. Не умею я.. отвыкла. Забыла, как это делать нужно: двадцать четыре года я никому не кланялась. Ничего им не дам. Вот припасла вам, чтоб согрелись, да бутылку красного, что к празднику берегла. Пей да ребятам забирай, чтоб немцам не оставалось... Да ешь, ешь хорошенько... А остальное ребятам понесешь.

Василек. Стоп, тетка Марина, стоп. Говорила все верно, а практически нужно иначе. Покушал я хорошо, а водку пусть немец пьет. Ты дай ему, тетка Марина, выпить, чтоб у него черти в глазах запрыгали. Понимаешь?.. Пусть пьет. А веселиться будем мы. Понятно?.. Наш отряд уже тут, в Кремневке, сидит в крайних дворах, по сараям тихо — и не кашляет. А мы с Федькой пробрались в середину села. Он к деду Матвею, а я к тебе... Для разведки. Моя задача узнать, где их командир, и взять его на мушку. Поняла?..

Марина. Застрелить, значит?

Василек. Нет. Зачем же торопиться. Так все дело сразу испортишь. Нехай посидит на мушке, поскучает, а я на него полюбуюсь. Теперь слушай дальше. Федька первый сигнал дает. Как только узнает, что главный командир фашистов сел на мою мушку, выбирает место, где немцев погуще, и бросает им гранату. Нате, мол, получайте, не жалко. Это сигнал для всех нас и особенно для меня. Тут мы и будем действовать согласно, по плану. Ребята — на немцев со всех сторон. Немцы туда-сюда, — где командир? А я в это время ихнего командира: дескать, слезай с мушки... Ну, а немцы... у них дисциплина... Они без командира, как бараны без пастуха, совсем малохольные делаются. Жмутся друг к другу и кричат, винтовки побросают и бегут куда попало. Ну, а ребята наши тоже не дремлют. Действуют по плану.

Марина. Рассказал-то гладко. А ну, как не выйдет?

Василек. Не впервой, тетка Марина. Практику имеем.

Марина. А ну, как они все кинутся на вас?.. Их ведь, почитай, человек сто, а вас...

Василек. А нас, тетка Марина, больше двадцати. Выходит, всего каких-нибудь пять человек на брата.

Марина. Пять на одного?

Василек. Средняя норма, тетка Марина. Ну, так ты, значит, угощай немца, а я пока с Федькой свяжусь. Через полчаса в Кремневке, ох, и шумно будет! (Собирается уходить и начинает одеваться.)

Марина. Ты ж потихонечку, Василек, чтоб не заметили.

Василек. А у меня вот шапка-невидимка. (Надевает свою шапку-ушанку.)

Слышен резкий стук в дверь.

Марина. Он!.. Немец.

Василек. Вот тебе и шапка-невидимка!

Марина. Как же теперь, Василек?

Василек. Да... Вот это заковыка... А вот как... очень просто... Открывай ему дверь, пусть себе заходит.

Марина. А ты?

Василек. А я за печкой посижу... Что-нибудь придумаю.

Снова стук в дверь, еще громче.

Открывай, открывай, тетка Марина. Замерзнет ведь немец. Да смотри, угощай его хорошенько.

Марина. Ох, и что же это будет?..

Василек прячется за печь. Марина идет к двери и открывает ее. Входит Шприц.

Он потирает руки и дует в кулаки.

Шприц. Дольго, дольго... очень дольго открываль... Проклятый зима! Плохой климат. Все тует, тует... Фуй! Россия ошень некорошо... Греция, Франция, Голландия — корошо. Не похож Россия. Фуй! А ты почему так дольго открываль?.. Почему нет дисциплина? Я приказаль — дисциплина! Ты не исполняй. (Замахивается кулаком.)

Марина (почти крикнула и указала на стол). Жрать... (тише) говорю, кушать вам приготовила.

Шприц (увидев на столе бутылку и закуску). О, дисциплина есть. Ошень корошо. (Подходит к столу и рассматривает, что на нем стоит.) Айн куриц — ошень корошо! Айн гуська, сало, мед... (Считает, загибая пальцы, по мере того как тетка Марина быстро приносит и ставит на стол продукты.) Драй бутилька водка, много-много яйцы, колбаса. О, красный водка!.. Корошо — ошень короший дисциплина! (Марине.) Теперь ты понимайть меня очень корошо. О, надо закрывайть скоро дверь. (Закрывает дверь.) Я буду кушать все один. Скоро, скоро кушать один. Только один... О, корошо! (Торопливо раздевается, садится за стол и принимается за еду. Ест все одновременно и пьет то водку, то вино.)

Марина с отвращением молча смотрит на пьянеющего Шприца

(С полным ртом.) Хайль Гитлер! (Пьет.) Хайль Гитлер! (Жадно ест.) За немецкий зольдат! (Пьет и

ест.) Ооень корошо. За русский свинья! (Пьет и громко хохочет.) Ми вас будем так. (Показывает, как придавливают коленом.) Ми будем забирать вся ваша земля, ваша корова, вся ваша свинья, вся ваша куриц. (Хихикает.) Много, много, вся — лес, реки... Ми будем жить здесь... Ооень корошо будем жить... Ви будеть нам помогайт корошо жить. Ми — ваши господин, ви — наши слуга. Все корошо. Французы, греки, итальянцы, все, все славяне. Самий плохой слуга будет русский. (Строго.) Грязний работа... Много работа и мало спать, мало кушать. (Марине.) Корошо... (Хихикает.) Хайль немецкий зольдат фон-Шприц! (Пьет.) Я сам... О, я... (Пьет.) «Ой, яблoшко, куда ти бежишь, на Махно попадешь никуда не поворотишься». Ха-ха!.. Короша песня. (Пьет.) Почему ты молчишь? Ну... весело нужно. Ну... (Зевает.) Э-э-э... скушно... Где есть твоя дочь?

Марина. У меня нет дочери. Одна я, тебе сказала.

Шприц. Ну-ну... Молчать! У тебя есть дочь, ти спряташь. О, я знаю, ти будешь мне привести свой дочь. Скушно... Ты старый, глупый баба. Это не корошо. Мне нужно молодой-молодой... (умиляется) с красной щека, такие голубой глаза, белый-белый волос... веселый-веселый... Ну-у?.. Стреляйт буду!..

Марина. Да где же я тебе возьму? Наши девчата все ушли. Привязался!

Шприц (вынимая револьвер). Ну, глупый баба, со мной плохой шютка! (Направляет на Марину револьвер.)

Марина застыла на месте и молчит.

(Поет, издеваясь.) «Ой, яблoшко, куда ти бежишь, на Махно попадешь, никуда не поворотишься». (Направив на Марину револьвер, целится и хохочет. Марина пятится к печке. Василек, переодетый в женское платье и закутанный платком, осторожно, будто стесняясь, выходит из-за печки. Шприц, увидев Василька, трет от удив-

ления глаза.) О, вас ист дас?¹ Што это есть?! Может, я уже, пьяный? Найн, найн... Это есть ее девушка. (Подходит к Васильку. Держа в правой руке револьвер, левой берет Василька за плечо.)

Василек, как бы стесняясь, упорно отворачивается и старается походить на девушку.

Марина (в сторону). Господи Иисусе!.. Чего придумал! И что только теперь будет?..

Василек (женским голосом). Мамаша, ну, что же это вы, ей-богу, меня от господина офицера прячете. Мне же скучно одной за печкой сидеть. Может, мне господин офицер очень нравится.

Шприц. О, слыхаль, старый баба?.. Дефушка ошень корошо говорить. Дефушка молодой... Ну, иди, иди сюда, дефушка. Почему ты отповорачиваешься?

Василек. Я стесняюсь, господин офицер, при маме. Пускай мама уйдет.

Шприц. Ошень корошо, дефушка. Мама... пускай... пошель. (Марине). Ну-ну... пошель, мама!.. Пошель!

Василек (толкая Марину к двери). Ну, уходи, мама, что ж ты стоишь. (Тихо Марине.) Скажи Федьке, чтобы начинал. Уже пора. А если не найдешь его, брось вот этуштуку в какую-нибудь хату. (Дает Марине гранату.) Это сигнал. Она на взводе, только тряхни хорошенько. (Громко.) Ну, уходи, уходи...

Марина. Ну, ладно уж, ухожу. Что с тобой поделаешь, сумасшедшая девка. Только ты хорошенько господина офицера угощай да приголубь его покрепче.

Василек. Иди, мама, иди. Знаю. Я уже сама большая.

Шприц (смеясь). Охо-хо, хо-хо! Ошень корошо, дефушка. Ты уже сама большая.

Марина выходит. Василек, проводив Марину до двери, остается стоять лицом к двери, делая вид, что стесняется.

¹ Что это такое?

Пауза.

Ну, дефушка, как тебя звать?

Василек. Маруся.

Шприц. О, ошень корошо. Русски Маруса, настоящий русски.

Василек. Да, я настоящий русский.

Шприц. Ну, Маруса, тебе скучно?

Василек. Скучно, господин офицер. Мы все по вас так скучали, так скучали... Давно уже ждем вас, не дождемся.

Шприц. О-о-о... корошо. Скучали — ошень корошо! Ждем — ошень корошо. Ну, иди ко мне... мой... доротая... Маруса. Почему ты так далеко стоять? Ну?

Василек. Я стесняюсь близко, господин офицер.

Шприц. Стесняюсь — ошень корошо: это ти ошень молоденький. Ну, иди сюда скорей.

Василек. Господин офицер, прикрутите лампу, а то я очень стесняюсь.

Шприц. Ошень корошо прикрутит лампа. О, какой ты уменьй дефушка. Ну, теперь иди сюда ближе, ближе. (Тянет Василька за рукав.) Ти меня любишь Маруса?

Василек. Очень люблю, господин офицер, прямо сохну по вас, прямо задушила бы вас в своих объятиях.

Шприц. Объятий задушилъ... О-о... Ну, души, души, Маруса!

Василек (прислушиваясь.). Да нет, господин офицер, еще рано, не торопитесь, все будет, ей-богу. Подождите немножечко.

Шприц. Немношечко. (Кокетничая.) Немношечко...

Василек. Ага, немножечко. Чего вы торопитесь, господин офицер, что вам — жить надоело?

Шприц. Немношечко... Мошно, мошно. Я никуда не уйду всю ночь... успеем... Да?..

Василек. Давайте выпьем, господин офицер.

Шприц. Ох, забиль, забиль, ошень забиль... Исквиняйсь, медхен¹. Тебе надо тоже пить, и тогда ти будешь веселей...

¹ Девушка.

Василек. Ну, еще бы, господин офицер, конечно, веселей будет. Тут такое скоро пойдет веселье, что у вас глаза на лоб полезут.

Шприц. Очень корошо. Глаза на лоб... Очень корошо! (Наливает полстакана водки и подает его Васильку.) Ну, можно пить. Я позволяй тебе пить.

Василек. Вот спасибо, господин офицер, долбанем по маленькой. (Добавляет немного водки в свой стакан и до краев наполняет стакан Шприца.)

Шприц. О, долбанем по маленьки... Русски дефушка молодец. (Смеется.) Хо-хо-хо!

Шприц и Василек поднимают стаканы. Оба выпили. Василек, по-мужски крикнув и поиюхав затем корочку, едва себя не выдал. Он быстро нагнулся и закашлялся.

Василек. Ой-ой-ой, господин офицер, что же вы со мной делаете, я ж эту водку никогда не пила.

Шприц (все более пьянея). Э-э-э, много... очень много выпил дефушка... так нельзя быстро. Ну, теперь брудер... брудершафт. О, я уже пьяний... Я не могу выговорить... Ну, ну... (Намеревается обнять Василька. Василек ускользает.)

Василек. Ой, я стесняюсь, господин офицер, целоваться. Давайте лучше песни петь. Я слыхала, как вы пели. Очень хорошо получается, господин офицер.

Шприц (конфузясь). Ну, что вы, что вы... У меня голос нет... И очень плохой слух.

Василек. Да нет же, ей-богу, вы хорошо пели... Ну, пойте.

Шприц. Ну, пошалоста. Ви просить. Я не могу отказывать... (Поет, сильно фальшивя.) «Ой, яблоншка, куда ты бежишь, на Махно попадешь, не поворишься...»

Василек. Да... Плоховато поете, господин офицер... Ну,

ничего, зато за вас Геббельс поет. Прямо соловьем зали-
вается, уткой крикает, на все лады разговаривает.

Шприц. О, та... Геббельс, это много говорить. Очень ко-
рошо говорить.

Василек. Да, большой трепач.

Шприц. Что есть трепач?

Василек. Ну, как вам объяснить, — разговору много.

Шприц. О-о... Да, да. Много, очень много расховор.
Геббельс корошо трепач, очень корошо. Это... Маруса, как
ти узналь Геббельс?

Василек. Так я ж в газетах про него читала.

Шприц. Хасет?

Василек. Да, газетах. В газетах, понятно?

Шприц. Та, та, понимайть.

Василек. Там всю правду пишут. Фюрер за вас думает,
Геббельс за вас говорит, а вы, куда вам прикажут, прете,
как олухи.

Шприц. Олюхи. Корошо, очень корошо! Олюхи... Та,
та... Фюрер тумайть... Геббельс говорить... Ми — олюхи...
О, какой веселый русска дефушка! Франция биль, Греция
биль, Сербия биль — такой веселый дефушка не встречаль.
Первый рас...

Василек (в сторону). Да и в последний.

Шприц. Ну, надо раздевайсь и спать. Ти снимайть свой
шуб и этот платок. Тебе очень жарко. Я буду корошо ви-
деть, какой ти есть дефушка... Ну?... (Пытается снять
платок с головы Василька.)

Василек отстраняется.

Василек. Да нет, нет, мне не жарко.

Шприц. Ну, ну, какой ти...

Василек (в сторону). Эх, Фелька чего-то удержи-
вается. Придется, видно, без сигнала начинать. Долбану-ка,
я его пока тихонько, а потом видно будет.

Шприц. О, Маруса, ти говорил не меня...

Василек. Это я богу молюсь.

Шприц. Ти молишься богу? Это корошо... Это корошо... Ошень корошо!

Василек. Я советуюсь с господом богом, как мне тебе — сразу прикончить или немного на завтра оставить.

Шприц. Вас ист дас? Я не понимають.

Василек. Ну, ясно. Хлебнул здорово, — трудно тебе понимать. (Своим голосом.) Ну, вот что, немец. Иди, я тебя поцелую.

Шприц, услышав мужской голос, глядит на Василька протрезвевшими, широко открытыми глазами. Слышен взрыв гранаты и выстрелы.

Ага, во-время. Молодец, Федька!

Шприц (насторожившись). Вас ист дас?.. Это есть што?

Василек (снимает платок и направляет на немца револьвер). Это есть партизаны.

Шприц. Найн... найн...¹ Ти кто есть?

Василек (смеясь). Русски Маруса. Ну-ка, давай обниму... (Бросается на Шприца, схватывает его и обезоруживает.).

Шприц. Айн секунд, айн секунд... Отдай... Я есть немецкий офицер. Это некорошо... Ти не есть дефушка... Ти есть партизан... Ти меня обмануль.

Василек. А как же?.. У нас по плану.

Шприц. Ти воевайть в юбка... Ай-ай-ай! Это некорошо... Стидно, стыдно...

Василек. А ты с юбками воюешь. Ай-ай-ай! Старух бьешь. Сволочь!

Входит Марина.

Марина. Уже, Василек, уже. Партизаны тут. Немцы бегут, аж пятки сверкают.

Василек. По плану, тетка Марина, как полагается: партизаны тут, немцы бегут.

¹ Нет, нет.

Марина. А этот здесь?

Василек. Да вот обижается. Говорит, нечестно я поступаю, что в юбке воюю.

Марина (Шприцу). Ну, что ты так смотришь? (Передразнивая его.) «Ласково смотри. Нежно надо...» Ты веселый разговор любишь.

Шприц. Что вы со мной будет делать? Ви мне будет капут... да?

Василек. Капут, капут, господин офицер.

Шприц. Если ви меня истреблять, мой зольдатен истреблять вас.

Марина. Твоих солдат уже нет. Один ты остался, чорт рыжий.

Шприц. Ай-ай-ай! Мой зольдатен! Но оставить живой только меня. Один только я... Я буду давайть ви деньги, много деньги. Оставляйть меня один жив.

Марина. Видали чорта?! Даже своих не жалко, только о себе хлопочет.

Василек. Нет герр¹ фашист, не сойдемся. Нам товарищ Сталин точно приказал: истреблять вас всех до единого.

Шприц. Ой! Некорошо истреблять! Не падо, не надо истреблять!

Марина. Испугался, рыжий чорт, трясешься, как овечий хвост.

Василек. Протрезвел сразу. Ну, тетка Марина, тряхни его теперь ты по зубам, как он тебя.

Марина. А ну его к клешему! Смотреть на его рожу противно. Веди его к ребятам.

Шприц. Ой-ой!.. Я не хочу ребята. Я знаю, что есть ребята. Это партизанен. Я не хочу... Там холодно... Я не хочу всех истреблять. Это неверно... Надо оставляйть меня... Один немец... один офицер...

Василек. Ишь ты, какая умница! А ну, иди, а то вон ты какой паршивый. Ты тут моей тетке всю избу загадишь.

Шприц. Я не есть паршивый, я есть немецкий офицер...

¹ Господин.

Нельзя так. Я биль Франция, биль Греция, биль Голландия. Я ехаль...

Василек. Ну, вот и доехал. Это тебе не Франция и не Голландия. Это Кремневка. Понял? Русское село Кремневка. Слезай, приехали.

Шприц. Я не хочу слезайть. Я хочу жить.

Марина (толкая немца). Ну, иди, иди!

Василек. Эх, ты, немецкий офицер! Тебе только с безоружными тетками в избе воевать... Ну, хватит мямлить. Пойдем-ка к нашим ребятам. У нас там с тобой будет веселый разговор.

Занавес.

В. ЛЕВШИН, А. МАШИСТОВ

ПАШКА

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Девушка 23 лет. Одета в полушубок, валенки, на голове большой платок.

Прохожий 35 лет. Одет в красноармейскую рваную шинель, небрит, левая рука на перевязи.

Крестьянская изба. На сцене — полная темнота. Стук в дверь. Ответом на него — тишина. Открывается дверь, пропуская темную фигуру. Луч карманного фонаря поспешно обшаривает комнату и гаснет.

Девушка. Кто тут есть? Отвечай! Да ну же, отвечай, а то стрелять буду!

(Девушка зажигает настольную лампу. Внимательно осмотрев комнату и убедившись, что, кроме нее, никого нет, девушка достает из какого-то тайника мешок. Вынимает его содержимое и сортирует. Это — различного рода оружие).

Это годится. Молодцы ребята! Вот это — барахло, пусть сами кушают. Вот замечательный! Ну и работка... Даже именной... (Читает) «Барон Вильгельм фон дер Зоненберг». Ого! Фон дер Зоненберг! (Кладет этот револьвер в карман.)

(Стук в дверь. Девушка прислушивается. Стук повторяется. Девушка быстро собирает оружие в мешок и засовывает все под лавку. Стук громче)

Кто там?

Голос прохожего. Отвори.

Девушка. Кто?

Прохожий. Свой я, отворяй.

Девушка. Чей свой?

Прохожий. Советский я. Отворяй, говорю, хозяйка!

Девушка. Входи, коли свой. (Отворяет дверь.)

(Прохожий входит. Он и девушка некоторое время молча изучают друг друга.)

Прохожий. Насилу живую душу нашел. Всю деревню обошел, одни мертвецы. Что тут, тоже немцы побывали?

Девушка. Часу нет, как ушли отсюда. А ты кто будешь?

Прохожий. Петр я, Васильев...

Девушка. Откуда?

Прохожий. Да костромской. С первых дней войны прямо на фронт попал. Поестъ бы чего... Три дня не жрамши. Сейчас из колодца ведро воды вылакал. А вот есть хочется.

Девушка (достает из кармана краюху хлеба). Возьми, перекуси.

Прохожий. Вот спасибо, хозяйюшка.

Девушка. Как ты попал сюда?

Прохожий. Да как попал? Очень просто. Наша часть рядом, в деревне Низы, стояла, когда немцы наступать стали. Немцы полем идут, а наши лесом, с флангов их обходить стали. А у меня там, в деревне, сердечное дело было — дочка колхозника одного. Семнадцать лет, а девка во какая — не подступись. Да к тому ж и мамаша у нее подходящая: сорок два годка — баба-ягодка. Ну, то да се, а тут, гляжу, немец по улице скачет. Я на сеновал. Два дня пролежал — ничего. А на третий в ночь вижу — два немца на сеновал лезут, мою сердечную ташат, а сами пьяные в дым. Ну, сама понимаешь, не выдержал я, выскочил, благо темно было, да на них. Один немец меня за ногу схватил, наземь повалил и давай душить. Ну, я тоже не из таких! Раз ему в зубы — он и пикнуть не успел. Девка-то моя бежать, а второй немец кричит: «Рус, сдавайся! Стрелять буду!». А ночь темная, ни зги не видно. Как выстрелил он, чувствую — руку мне, как кипятком, обдало. Вижу — зевать нельзя. На улицу — да бежать. Немец опять стреляет, крик на всю деревню поднял. Да нет, видишь, удрал я. Задами крался. Прихожу в эту деревню, а тут ни собаки живой. Вот и все.

Девушка. А руку кто тебе перевязал?

Прохожий. Руку-то? Сам. У меня в шинели бинт оказался. Хорошо, что левая. А пуля, наверно, еще сидит — в локте согнуть не могу.

Девушка. Значит, выходит, что от своей части-то отстал?

Прохожий. Выходит.

Девушка. И все из-за девки?

Прохожий. А они, девки, завсегда всем бедам причина. Вот и сейчас, к примеру сказать.

Девушка. Что?

Прохожий. Сейчас, говорю, итти бы надо, не время мне тут разговоры размусоливать, а вот опять же ты — девка мировая, как тут языком не почесать.

Девушка. Тебе, я вижу, больше с бабами воевать охота.

Прохожий. Нет, с ними чего воевать? У меня с ними мирно получается. У меня это просто. Ни одна не сорвется. Как какая приглянулась, я ее вот так. А ну, говорю, милая... (Пытается обнять девушку.)

Девушка. Постой, постой! Со мной тебе, пожалуй, мирно не удастся, повоевать придется.

Прохожий. Что испугалась?

Девушка. Я не из пугливых.

Прохожий. Ну, так сядем рядком да потолкуем ладком. Как же мне теперь свою часть-то разыскать?

Девушка. А тебе какую надо?

Прохожий. Мне? Сто семьдесят третий пехотный полк. Может, знаешь?

Девушка. Нет, такого не слыхала.

Прохожий. А про какие слыхала?

Девушка. Про другие всякие. А ты что, в нескольких полках числишься?

Прохожий. Вот баба! Как же это можно, чтобы в нескольких полках числиться. Да ты сама-то кто? Колхозница?

Девушка. Колхозница.

Прохожий. Здешняя?

Девушка. А откуда ж мне быть?

Прохожий. Так, так. А вот что: может, мне пока к партизанам податься? А там, глядишь, и про свою часть разузнаю. В партизанах-то есть кто у тебя?

Девушка. А тебе к чему?

Прохожий. Узнать бы мне, где они. Приятель там у меня.

Девушка. В партизанах приятель?

Прохожий. Самый главный там у них — начальник отряда.

Девушка. А звать как?

Прохожий. Пашка.

Девушка. Ковальчук?

Прохожий. Он самый. Знаешь?

Девушка. Как не знать. А он приятель твой, говоришь?

Прохожий. Водой не разольешь.

Девушка (наступает на него). Так, значит, ты приятель Пашки Ковальчука?

Прохожий. Чего ты?

Девушка. Начальника партизанского отряда?

Прохожий. Да чего ты? Али беленой обьяелась?

Девушка (выхватывает револьвер). Руки вверх! Ну, Пашка Ковальчук, попался твой дружок.

Прохожий (поднимает правую руку, левая на перевязи). Постой, постой! С чего ты? Я ведь пошутил.

Девушка. А ну, говори, кто ты такой есть?

Прохожий. Да я тебе, дура, толком говорю: боец я сто семьдесят третьего пехотного. Как рассказал, так и было.

Девушка. Документы есть?

Прохожий. Есть. Вот. (Лезет в сапог, достает документы.) Читай.

Девушка (читает). Что-то тут неясно.

Прохожий. Вот деревня! Гляди... (Подходит и мнимобольной рукой выбивает у девушки оружие из рук. Борьба. Он хватает у девушки револьвер и направляет на нее.) Теперь поговорим. (Девушка молчит.) Рассказывай, где партизаны? (Девушка молчит.) Где Ковальчук? Где Пашка?

Девушка. Жди, ирод, так я тебе и сказала!

Прохожий. Убью, стерва! Говори!

Девушка. Хитер больно. Может, я сама за ним две недели охочусь. Десять тысяч марок на земле не валяются. (Прохожий обалдело молчит.) Попалам хочешь? Столкнемся.

Прохожий (приходя в себя). Да ты погоди. Кто ты такая?

Девушка. Потом узнаешь, кто я такая (Не давая ему опомниться, наступает). Сколько вас перешло? Явка? Пароль? Задание? Отвечай.

Прохожий. А зачем ты меня все это спрашиваешь? Как ты можешь так со мной говорить?

Девушка. Хочу тебя проверить. Ты думаешь, тебе немецкое командование так и поверило. Нет, брат! Я тут для

того и нахожусь, чтобы следить за вами. Задаток, небось, получил?

Прохожий. Как водится.

Девушка. Сколько?

Прохожий. Тысячу марок.

Девушка. Теперь не отвертись! (Говорит начальственным тоном.) Задание, данное вам немецким командованием, должно быть выполнено в точности. О выполнении доложите мне.

Прохожий. Это для чего же?

Девушка. Я вам приказываю. Я сегодня же переправлю донесение в штаб.

Прохожий. А к кому?

Девушка (запнулась, вспомнила). Барону Вильгельму фон дер Зоненбергу, моему патрону.

Прохожий (опуская револьвер). Фон дер Зоненберг?.. (Вытягивается.) Его превосходительство барон фон дер Зоненберг десять дней назад беседовал со мной лично.

Девушка. Теперь вы понимаете, с кем имеете дело? Взгляните на револьвер, который у вас в руках.

Прохожий (смотрит на револьвер, читает). «Барон Вильгельм фон Зоненберг»... (С почтением передает девушке револьвер). Виноват, но долг моей службы заставил меня быть осторожным.

Девушка. Я вас прощаю. Вы поступили правильно. Вы пойдете далеко. Где завербован?

Прохожий. Да в городе. Проштрафился маленько в позапрошлом. По мокрому делу засыпался. Ну и засел. Немцы пришли, спрашивали. Видят — человек сурьезный, к его превосходительству вызвали. Ну и вот...

Девушка. Хорошо. Теперь слушайте меня. Я знаю, где находится начальник партизанского отряда.

Прохожий. Пашка?

Девушка. Да, Пашка Ковальчук.

Прохожий. Далеко?

Девушка. Нет, близко. Я сама провожу вас к нему. Надо торопиться, пока не рассвело. Еще один вопрос. Нам нужно будет оружие. Сколько здесь ваших?

Прохожий. Трое со мной.

Девушка. Прекрасно! Как их найти?

Прохожий. В восемь утра у Утиног Болота. Надо свистнуть три раза. Пароль: «Зверь».

Девушка. Замечательно. Какое оружие?

Прохожий. По два револьвера и гранаты. Вот они (Показывает оружие, вынимая его из карманов шинели).

Девушка. Великолепно! Только идти нам здесь опасно. Вас может задержать советский патруль. Переоденьтесь в это женское платье и полушубок. (Снимает с гвоздя платье.)

Прохожий (показывает на небритую щетину). А это?

Девушка. В темноте не разберут. Живей!

Прохожий. Как его одевать-то?

Девушка. Через голову.

(Прохожий отходит в угол и переодевается. Девушка прячет его шинель с оружием под лавку)

Прохожий (голова его медленно вылезает из платья. По мере этого лицо его вытягивается. В глазах ужас). В чем дело? Господин начальник! То-то-варищ!

Девушка (направила на него дуло револьвера). Вы готовы? Собирайтесь. Я вас провожу.

Прохожий. Да кто же вы, наконец?

— Девушка. Я? Начальник партизанского отряда, Пашка Ковальчук!

Прохожий. Пашка?

Девушка. Ну-ну. Кому — Пашка, а кому — Прасковья Андреевна. Вперед! (Пропускает его в дверь.)

ПЕСНИ

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Священная война

1. Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

2. Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы, —
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Припев.

3. Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Припев.

4. Не смеют крылья черные
Над родиной летать,

Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Припев.

5. Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродьям человечества
Сколотим крепкий гроб.

Припев.

6. Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.

Припев.

7. Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

ПЕСНЯ О СТАЛИНГРАДЕ

(Из фильма „Сталинград“)

Ой ты, Волга, родимая Волга,
Кто не любит твоих берегов?

Ты, как море, полна,
Широка и сильна,
И грозна ты для наших врагов!
Над великою русской рекою
Неприступный стоит часовой:

Это город-солдат,
Это город-герой,
Это наш Сталинград боевой!

Держит город ключи золотые
От заветных путей и дорог

И в решительный час
Воевал он не раз

И врага не пускал на порог.
Рвались к Волге немецкие орды,
Край родной был пожаром объят,

И у волжских дверей,
Отбивая зверей,

Грозно встал богатырь Сталинград.

От рожденья земля не видала

Ни осады, ни битвы такой, —

Содрогалась земля,

И краснели поля,

Все пылало над Волгой-рекой!

День за днем сталинградцы сражались

В небывалом кровавом бою,

В эти грозные дни

Отстояли они

И отчизну и Волгу свою.
И, собрав богатырские силы,
Порасправивши грудь во всю ширь,
Всех несметных врагов
У родных берегов
Разгромил Сталинград-богатырь.
Слава городу дважды герою,
Слава матери всех русских рек,
Слава всем храбрецам —
Сталинградским бойцам,
Слава Сталину, слава вовек!

А. СУРКОВ

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

1. Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет,
Смелого пуля боится.
Смелого штык не берет.
2. Ринулись ввысь самолеты.
Двинулся танковый строй.
С песней стрелковые роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится.
Смелого штык не берет.
3. Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.

- Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится.
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится.
Смелого штык не берет.
4. Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя.
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится.
Смелого любит народ.
Смелого пуля боится.
Смелого штык не берет.
-

МИХ. ЧЕРВИНСКИЙ

ЧАСТУШКИ

Я на днях тренировался,
Целый день маскировался,
А потом два дня ходил,
Сам себя не находил.

Хорошо «Катюша» кроет,
Деловито, не шутя.
Лишь, как зверь, она завоет,
Немец плачет, как дитя.

Эх, хорош жених у Тони,
Он в гвардейском эскадроне.
Ей милее всех других
Этот гвардии жених.

Мой приятель, снайпер Женя,
Отмечал свой день рождения,
За день немцев угостил
Столько, сколько лет прожил.

Не могу никак суметь
Твоим сердцем овладеть
Почему-то, отчего-то
Твое сердце вроде азота.

Если в землю враг зарылся, —
Мина и в земле найдет.
Враг от мины скорчит мину,
Но от мины не уйдет.

ЗА ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ

Шире, улица, раздайся,
Тракторам дорогу дай!
Приказал бороться Сталин
За высокий урожай.

Расширяем мы посевы,
Поработаем весной,
Заготовим больше хлеба
Красной Армии родной.

Все мы выполнить готовы
Лозунг нашего вождя —
Соберем для государства
Тонны лучшего зерна.

Для родной страны Советов
Мы распашем целину.
Встретим, встретим дружным севом
Большевицкую весну.

Будет летом полный колос
И обильный урожай —
Только раннею весною
С посевной не прозевай.
Взял ты трактор или плуг,
Действуй ими ловко:
Как на фронте брат и друг
Действуют винтовкой.
Семена у нас готовы
Чистые, протравлены,
Плуги, бороны в амбаре
Все лежат исправлены.
Закипит в полях работа,
Трактор песни запоем, —
Мы должны работать вдвое
В боевой суровый год.
Мы вчера постановили
Выполнить задание,
И бригады все вступили
В соцсоревнование.
Перевыполним задание,
Нормы новые дадим;
Мы, стахановцы колхоза,
Темпов наших не сдадим.
И высоким урожаем
Мы фашистам угрожаем.
Наши льны, пшеница, рожь
Их бросают в жар и дрожь.
Выше темпы поднимайте,
Подавайте всем пример!
Урожаем укрепляйте
Оборону СССР!

ПРО УДАРНИЦ ПЕСНИ НОВЫЕ

Из колодца вся деревня
Ключевую воду пьет.
Вся деревня про ударниц
Песни новые поет.

Девки рады, бабы рады
Красной Армии служить,
Хлеб, оружие и снаряды
Красной Армии добыть.
Гармонист, играй по-чести,
Настроенье выражай;
Будем мы бороться вместе
За высокий урожай.

Вьется шаль, моя шаль,
Золотые кисти;
Знаю, будет урожай
Пудиков на триста.
Ранний пар я поднимала
И в колхозе славилась,
В землю влагу запасала,
Чтобы рожь кудрявилась.
За рулем сижу на тракторе,
А милый на войне.
Я боялась — не справлюся,
А справилась вполне.
Маша пашеньку распашет —
И огрехов не видать.
Научилась подруга
По-стахановски пахать.

Все идем одной дорогой,
Любим родину свою:
Видя трудности, не дрогнем
Ни в труде и ни в бою!

ЧАСТУШКИ

Разгорайся в поле чистом,
Закипай, колхозный труд,
Чтобы извергам-фашистам
Поскорей пришел капут.
Для труда настали сроки —
Разверни посев широкий:
Лишний колос, лишний га
Бьют без промаха врага.
Партизанская винтовка
По фашисту целит ловко,
Если выглянул на свет, —
Запиши, что — ваших нет.
Мы громили немца-гада
У родного Сталинграда:
Как ни рвался — не сбежал —
Что посеял, то пожал.
Если хочешь быть богатым, —
Не шути «конем рогатым»:
Бороздой води быка —
Будет пашня глубока.
Шли мы полем, шли мы бором,
Били немца с приговором:
Ты вернешь нам, гадина,
Что у нас украдено.
Чтоб вернее бить фашиста,
Сокрушать его броню, —
Заменяла тракториста,
Комбайнера замену.
Словно ростом выше стала,
Зарумянилось лицо,
Как до строчки прочитала
Фронтовое письмо.

СТРАТЕГИЯ

Немцы лезли на Москву,
Сталью грохали,
Угостили их мы так,
Что заохали.

По захватчикам боец
Бьет без милости:
— Этот мусор, говорит,
Надо вымести.

И ползут они назад,
Огрызаются.
А мороз свое берет —
Не стесняется.

Где шагают, где бегут
Вместе с танками,
Партизаны их промят
С партизанками.

А в Германии кричат:
— Мы не бегали, —
Мы тихонько отошли —
По стратегии.

Ну и пусть себе кричат,
Пусть бахвалятся:
От стратегии такой
Немцы валятся.

Наша тактика идет,
Как положено:
Будет дикое зверье
Уничтожено!

ЧАСТУШКИ

Ходит Гитлер сам не свой:
Не владеть ему Москвой.
Хоть и близок локоток,
Рот арийский короток.

Враг под Вязьмой разгромлен,
Удирает в панике.
Долго будет помнить он
Вяземские пряники.

Чтоб от бегства удержать
Быстроногих фрицев рать,
Шлет им Гитлер новые
Валенки пудовые.

Издад Гитлер повеленье:
Для прироста населенья
Всем арийкам каждый год
Приносить двойной приплод.

Своему призванью верен,
Геббельс врет, как сивый мерин:
Сочиняет, бестия,
Свежие известия.

Стужа, выюга на дворе —
Жарко стало немчуре.
Крепко греют ей бока
Краснозвездные войска.

Знать, не ради красоты
В кофты, в майки детские
Нарядились, как шуты,
Пришлецы немецкие.

Грозным выводком орлиным
Мы летаем над Берлином,
Бьем — фашистам на беду —
По злодейскому гнезду.

Бей фашистов, не жалея,
Силу их выматывай.
Мсти врагу, рази злодея,
В плен живьем захватывай.

Твердо встань на путь героя,
Будь в ряду передовом
И на грозном поле боя
И на фронте трудовом.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ КРУЖКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Рыленков. Русская земля.
Гусев. Народная война.
Васильев. Поле русской славы.
Никитин. Русь.
Джамбул. Песня о земле.
Керн. На комбайне.
Журавлев. Хорошо дояркой быть.
Рогачев. Перед весенним севом.
Исаковский. Письмо от колхоза.
В. Гусев. Мать и сын.
В. Лебедев-Кумач. Клятва труженика.
Хуторянин. Урожайный фронт.
Сафронов. Родина.
Сурков. Песня отпора.
К. Симонов. Родина.
Твардовский. Женщина.
С. Михалков. Мать.
Д. Бедный. Русские девушки.
Кочнев. Подарок.
В. Лебедев-Кумач. Красная Армия.
В. Лебедев-Кумач. Разгром.
К. Симонов. Сын артиллериста.
А. Безыменский. Двое и смерть.
А. Сурков. Месть.
К. Симонов. Жди меня.
С. Кирсанов. Марш наступления.

ПРОЗА

Горбатов. Пядь родной земли.
Соловьев. Большевистский путь.
Шошин. Мягкое сердце.

И. Эренбург. Пора.
Габрилович. Героические женщины белорусского народа.
И. Эренбург. Помни.
Сейфулина. Сережа Воронцов.
Довженко. Мать.
Пантелеев. Маринка.
Тихонов. Ненависть.
Окс. Дружба.
Шкапская. Жена.
Исбах. Мать.
Лавренев. Большое сердце.
Е. Кононенко. Твоя карточка.
И. Эренбург. Вперед.
П. Лидов. Таня.

ПЬЕСЫ И СКАЗКИ

Вирта. Солдатские жонки.
Чекин. Евдокия Ивановна.
С. Динин. Его друг.
А. Ольшанский. Испытание.
В. Вейс. На огневой точке.
Е. Пермьяк. Хозяин вернулся.
А. Чикоряков и З. Залесский. От мала до велика.
А. Глебов. Настенька.
И. Назаров. Веселый разговор.
Я. Рудин. Грабьярмия.
Ек. Раймонд. Когда девушка смеется.
Луковский. Невидимая сила.
Суходольский. Хозяюшка.
Колесников. Золотые руки.
Ванштейн. Письмо на Волгу.
Ардов. Встреча.
Зайцев. Третья изба слева. Случай в селе Маевка.
Шароградский. Путаная любовь.
Суходольский. В дни войны.
Кедров. Бешеная собака.

Рекомендованный материал имеется в Доме народного творчества.
Иваново, Степановская, 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЧТЕНИЕ

К. Симонов. Убей его!	5
В. Гусев. Кровь детей	8
В. Лебедев-Кумач. Каждый нынче — народный боец	10
Д. Семеновский. Сестра Капитан Гастелло	11
М. Исаковский. „Крутится, вертится шар голубой“	13
А. Благов. Кольца золотые. Добрый путь	15
Е. Кононенко. Жена	17
М. Шошин. Режиссер. Кукла	23

ПЬЕСЫ, СЦЕНКИ

В. Суходольский. Дурак	35
И. Назаров. Веселый разговор	45
В. Левшин, А. Машинистов. Паника	59

ПЕСНИ

В. Лебедев-Кумач. Священная война. Песня о Сталинграде	66
А. Сурков. Песня смелых	69
Мих. Червинский. Частушки	70
За высокий урожай	71
Про ударниц песни новые	73
А. Благов. Частушки. Стратегия	74
Д. Семеновский. Частушки	76
Рекомендательный список литературы для кружков художественной самодеятельности	78

Подписано к печати 20/V 1943 г. КЕ—1605. Печ. л. 2½. Уч.-изд. л. 3,4.
В печ. л. 61056 тип. зн. Тираж 2000 экз.

Цена 2 рубля.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов
трудящихся. Иваново. Типографская, 4. Заказ № 1805.

2 РУБЛЯ

